

ОЧЕРКИ О Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОМ

Представленные материалы подготовлены П.Г. Щедровицким в рамках проекта «Философия России XX века». Они служат для ознакомления с творчеством философа и для популяризации его работ. Еще одной задачей является сбор редких сведений о мыслителе и анализ малоизвестных тем его творчества.

Все материалы опубликованы на официальной странице П.Г. Щедровицкого в фейсбуке: <https://www.facebook.com/petr.shchedrovitskiy>

А также на официальной странице проекта ВКонтакте: <https://vk.com/rusphilosophy>

В конце каждого очерка дается ссылка на соответствующий пост в фейсбуке, где, ко всему прочему, часто можно найти дискуссии по теме.

При цитировании или использовании материала упоминание источника обязательно. Все права защищены ©

Официальная страница проекта «Философия России XX века»: <https://shchedrovitskiy.com/>

ВВОДНЫЙ ОЧЕРК.....	4
СКЛАДЫВАНИЕ ФИЛОСОФСКИХ ВЗГЛЯДОВ	6
ОБЩИЕ ВЗГЛЯДЫ	9
АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ ПРИНЦИП В ФИЛОСОФИИ. Ч.1.....	11
АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ ПРИНЦИП В ФИЛОСОФИИ. Ч.2.....	14
АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ ПРИНЦИП В ФИЛОСОФИИ. Ч.3.....	17
АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ ПРИНЦИП В ФИЛОСОФИИ. Ч.4.....	20
АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ ПРИНЦИП В ФИЛОСОФИИ. Ч.5.....	23
АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ ПРИНЦИП В ФИЛОСОФИИ. Ч.6.....	26
ЭСТЕТИКА. Ч.1.....	28
ЭСТЕТИКА. Ч.2.....	30
ЭСТЕТИКА. Ч.3.....	33
ЭСТЕТИКА. Ч.4.....	36
ЭСТЕТИКА. Ч.5.....	39
ЭСТЕТИКА. Ч.6.....	42
СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ. Ч.1.....	45
СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ. Ч.2.....	48
СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ. Ч.3.....	51
СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ. Ч.4.....	54
ТЕОРИЯ РАЗВИТИЯ. Ч.1.....	57
ТЕОРИЯ РАЗВИТИЯ. Ч.2.....	60
ВЗГЛЯД НА ИСТОРИЮ РОССИИ	63
ПИСЬМА БЕЗ АДРЕСА. Ч.1.....	66
ПИСЬМА БЕЗ АДРЕСА. Ч.2.....	69
ХАРАКТЕР ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ЗНАНИЯ. Ч.1.....	72
ХАРАКТЕР ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ЗНАНИЯ. Ч.2.....	75
ЧТО ДЕЛАТЬ. Ч.1.....	78
ЧТО ДЕЛАТЬ. Ч.2.....	81
ЧТО ДЕЛАТЬ. Ч.3.....	84

ВВОДНЫЙ ОЧЕРК

«Жизнь так широка и многостороння, что в ней человек почти всегда найдет досыта всего, искать чего чувствует сильную и истинную потребность»

Н. Г. Чернышевский

Николай Гаврилович Чернышевский родился 24 июля 1828 г. в Саратове. До 14-летнего возраста учился дома под руководством своего отца – Г. И. Чернышевского, многосторонне образованного и очень религиозного человека, и двоюродной сестры, Л. Н. Пыпиной. В 1843 году поступил в Саратовскую духовную семинарию. В семинарии он пробыл три года; не окончив её, в 1846 году он поступил в Петербургский университет на историко-филологическое отделение философского факультета.

В эти годы и сформировался тот Чернышевский, которого скоро узнает вся Россия,— убеждённый революционер- демократ, социалист и материалист. Мировоззрение Чернышевского формировалось под влиянием античного, а также французского и английского материализма XVII—XVIII веков, трудов естествоиспытателей — Ньютона, Лапласа, Лаланда и других идей социалистов-утопистов, классиков политэкономии, диалектики Гегеля и в особенности антропологического материализма Фейербаха. Влияние на формирование его взглядов оказал кружок И. И. Введенского. В это время Чернышевский начал писать свои первые художественные произведения. В 1850 году окончив курс кандидатом, получил назначение в Саратовскую гимназию и весной 1851 года приступил к работе.

В 1853 году встретил будущую жену, Ольгу Сократовну Васильеву, вместе с которой после свадьбы переехал из родного Саратова в Санкт-Петербург. Высочайшим приказом 24 января 1854 года Чернышевский был определён учителем во Второй кадетский корпус.

Литературную деятельность начал в 1853 г. небольшими статьями в «Санкт-Петербургских Ведомостях» и «Отечественных Записках».

В начале 1854 г. он перешёл в журнал «Современник», где в 1855—1862 годах являлся фактически руководителем журнала наряду с Н. А. Некрасовым и Н. А. Добролюбовым.

10 мая 1855 года в университете происходит защита диссертации Чернышевского «Эстетические отношения искусства к действительности», которая стала большим общественным событием и была воспринята как революционное выступление, в этой работе он подвергал резкой критике эстетику идеалистов и теорию «искусство для искусства». Министр просвещения А. С. Норов помешал присуждению учёной степени, и лишь в 1858 году, когда Норова на посту министра сменил Е. П. Ковалевский, последний утвердил Чернышевского в степени магистра русской словесности.

В 1860-е годы Чернышевский стал признанным лидером публицистической школы русского философского материализма. Главное философское сочинение Чернышевского — «Антропологический примат в философии» (1860). В нём изложена монистическая материалистическая позиция автора, направленная как против дуализма, так и против идеалистического монизма.

В связи с отменой крепостного права в 1861 г. деятельность Чернышевского приобретает в это время наибольший размах, крайнюю напряжённость. Не входя формально в тайное революционное общество «Земля и воля», Чернышевский является его несомненным вдохновителем.

12 июня 1862 года Чернышевский был арестован и размещён в одиночную камеру под стражей в Алексеевском рavelине Петропавловской крепости по обвинению в составлении прокламации «Барским крестьянам от их доброжелателей поклон».

В мае 1862 года журнал «Современник» был закрыт на 8 месяцев.

В 1863 году во возобновленном журнале «Современник» был напечатан роман «Что делать?», написанный Чернышевским, находившимся под арестом в Петропавловской крепости.

7 февраля 1864 года сенатором М. М. Карниолиным-Пинским был объявлен приговор по делу Чернышевского: ссылка на каторжные работы сроком на 14 лет, а затем поселение в Сибири пожизненно. Александр II уменьшил срок каторжных работ до 7 лет, в целом Чернышевский пробыл в тюрьме, на каторге и в ссылке свыше двадцати лет.

Был отправлен в Нерчинскую каторгу в Кадаинскую тюрьму; в 1866 году переведён в Александровский Завод Нерчинского округа, в 1867 году в Акатуйскую тюрьму, по окончании семилетней каторги его переводят в 1871 году в Вилюйск. В 1874 году ему официально предложено освобождение, но он отказывается подать прошение о помиловании.

В 1883 г. Чернышевскому дозволено вернуться в европейскую часть России, в Астрахань.

Благодаря хлопотам сына Михаила, 27 июня 1889 года переезжает в Саратов, но уже 11 октября того же года заболевает малярией. Чернышевский скончался в 12:37 ночи 17 (29) октября 1889 года от кровоизлияния в мозг. 20 октября 1889 года был похоронен в Саратове на Воскресенском кладбище.

Основные труды:

«Эстетические отношения искусства к действительности» (1855)

«Характер человеческого знания» (1855)

«Критика философских предубеждений против общинного владения» (1858)

«Антропологический принцип в философии» (1860)

«Что делать?» (1862–1863)

«Происхождение теории благотворности борьбы за жизнь» (1888)

В фейсбуке: <https://www.facebook.com/photo.php?fbid=1565264526893772>

СКЛАДЫВАНИЕ ФИЛОСОФСКИХ ВЗГЛЯДОВ

«Что же милее всего для человека? Жизнь: потому что с нею только связаны наши радости, всё наше счастье, все наши надежды»

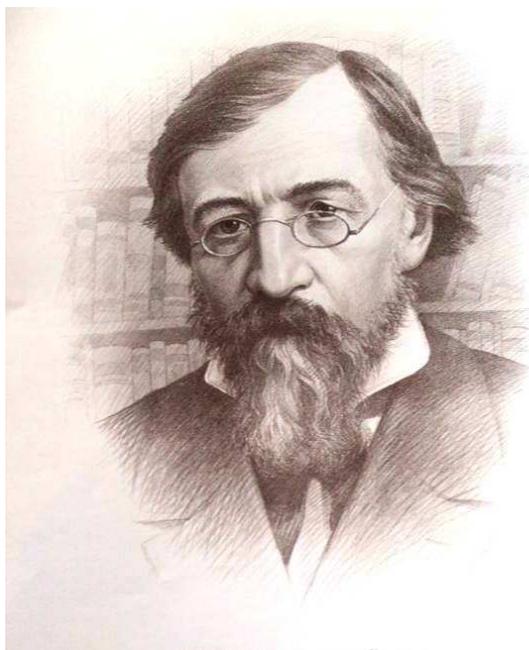
Н. Г. Чернышевский

Представляет интерес вопрос об истоках формирования философских взглядов Н. Г. Чернышевского и о характере самих этих взглядов. Эта тема обстоятельно рассматривается в труде В. В. Зеньковского «История русской философии». Зеньковский пишет, что взгляды Чернышевского в целом оформились еще в студенческие годы. Уже в этот период он прочитал Гегеля и Фейербаха. Несмотря на высокую оценку творчества Фейербаха, Чернышевского трудно назвать его последователем, поскольку в ряде пунктов его философские взгляды существенно расходились с идеями немецкого мыслителя. Обратимся к рассуждениям Зеньковского:

«Уже в студенческие годы оформились философские и социально-политические убеждения Чернышевского; особо надо отметить его вхождение в кружок Иринарха Введенского (1815–1855), которого тогда называли «родоначальником нигилизма». В кружке Введенского говорили преимущественно на социально-политические, иногда и философские темы, — и у Чернышевского уже в это время ясно определились его симпатии к социализму. Чернышевский следил очень внимательно — преимущественно за французской социалистической мыслью. Уже в 1848-ом году он пишет в своем Дневнике, что он стал «решительно партизаном социалистов и коммунистов». В 1849-ом году Чернышевский записывает в Дневнике: «Мне кажется, что я почти решительно принадлежу Гегелю..., я предчувствую, что увлекусь Гегелем», — но очень скоро он записывает там же: «Гегель — раб настоящего положения вещей, настоящего устройства общества... Его философия — философия, удаленная от буйных преобразований, от мечтательных дум об утопиях». Революционное настроение Чернышевского, разраставшееся от изучения социалистических утопий, отбрасывало его от Гегеля. Но в том же 1849-ом году Чернышевский прочитал «Сущность христианства» Фейербаха; книга не поколебала пока религиозных взглядов Чернышевского (о его религиозных взглядах см. дальше), но он продолжал изучать Фейербаха и скоро стал горячим и убежденным поклонником его антропологизма и материалистических его тенденций...»

Вопрос о том, под какими влияниями сложились философские взгляды Чернышевского, остается пока недостаточно ясным. Обычно основным считается влияние Фейербаха, и для этого утверждения дает достаточно материала сам Чернышевский — особенно в письмах и статьях, относящихся ко времени ссылки и ко времени возвращения из ссылки. В письмах к сыновьям от 1887-го года он писал: «если вы хотите иметь понятие о том, что такое, по моему мнению, человеческая природа, узнайте это от единственного мыслителя нашего столетия, у которого были совершенно верные, по моему мнению, понятия о вещах. Вот уже 15 лет я не перечитывал его, — но в молодости я знал целые страницы из него наизусть... и остался верным последователем его». В другом месте Чернышевский, признавая желательным новое учение о человеке и познании, говорит: «Пока лучшим изложением научных понятий и так называемых основных вопросов человеческой любознательности является то, которое сделано Фейербахом».

Из приведенных слов можно, однако, сделать то заключение, что Чернышевский очень высоко чтит Фейербаха, но не больше. Мы увидим дальше, что в одном из основных начал его философии (в защите материализма) Чернышевский, по справедливому замечанию Массарика, является представителем вульгарного материализма, — в то время, как материализм у Фейербаха — лишь предельный пункт его антропологизма.

Не менее спорным является вопрос о корнях позитивизма у Чернышевского. Массарик заявляет, что Чернышевский был позитивистом «в духе Конта». Сам Чернышевский в одной из ранних (политических) статей писал о Конте, что «основатель положительной философии — единственной философской системы, верной научному духу, — один из гениальнейших людей нашего времени». Правда, несколько раньше (в 1848-ом году) Чернышевский в своем Дневнике решительно высказался против учения Конта о трех периодах в развитии мысли, но эта запись относилась лишь к 1-му тому «Положительной философии» Конта, — после чего Чернышевский читал другие томы. Все-таки приведенная выше цитата — очень красноречива. Но вот, в одном письме к сыновьям от 1876-го года, Чернышевский пишет: «есть другая школа, в которой гадкого нет почти ничего, но которая очень смешна для меня. Это — огюстоконтизм, Огюст Конт, вообразивший себя гением..., прибавил от себя формулу о трех состояниях мысли, — формулу совершенно вздорную». Эти слова не позволяют думать, что Чернышевский когда-нибудь увлекался Контом, — между тем, его позитивизм — беря его в существо — стоит вне сомнения.

Надо признать, что источники взглядов Чернышевского лежали в общей научно-философской литературе его времени, — и прежде всего в том культе научности («сциентизме»), который вообще характерен для XIX века. Чернышевский (как отчасти и Герцен) стоял под влиянием французской духовной жизни, — отсюда шли те социалистические веяния, которые захватывали ум и сердце Чернышевского целиком. Конечно, социально-экономические идеи Чернышевского имели ясно выраженный этический корень; примат этики над «чистой» научностью чрезвычайно существенно определял духовную установку Чернышевского. Это была настоящая вера в науку, в ее неограниченные возможности, в ее познавательную мощь; это поддерживалось и тем реализмом, который вообще очень ярко стал проявляться в русской литературе с середины 40-ых годов, — в противовес «романтизму» «отцов». Под знаком «реализма» шло вообще развитие русского радикализма, который с наивным обожанием тяготел к естествознанию, как залогам истины и реализма, — во всяком случае, в 50-ые и 60-ые годы. Но было бы неверно думать, что романтизм совершенно выветрился у этого поколения, — под покровом реализма сохранилась настоящая и подлинная романтическая основа. Оттого и «сциентизм» у наших радикалов был наивной верой в «мощь» науки... Но в последней своей основе этот неугасший романтизм проявил себя в той «секулярной религиозности», которая расцветала под покровом реализма и даже материализма. Справедливо заметил Котляревский, что «культ Фейербаха был для Чернышевского и его единомышленников поэтическим культом с оттенком религиозности». Справедливо и другое замечание Котляревского, что «книга Фейербаха („О сущности христианства“)

была одной из канонических книг возникшей в начале XIX-го века особой „религии человечества“». И у Чернышевского, например, мы находим все возрастающий культ человека и человечества.

Религиозная сфера у Чернышевского никогда не знала очень интенсивной жизни, — но, собственно, никогда и не замирала. Действительно, при развитии у Чернышевского его позитивистических и материалистических воззрений, он не только очень долго соблюдает церковные требования, но даже долго сохраняет религиозные убеждения. «Что если мы должны ждать новой религии? — писал он в Дневнике (в 1848-ом году). — У меня волнуется при этом сердце и дрожит душа, — я хотел бы сохранения прежнего... Я не верю, чтобы было новое, — и жаль, очень жаль мне было бы расстаться с Иисусом Христом, Который так благ, так мил своей личностью, благой и любящей человечество». Когда Чернышевский очень сознательно стал развивать материалистические взгляды, он, конечно, стал отходить от религиозных идей, но не остался без предмета религиозного поклонения, — это был религиозный имманентизм, вера в «святыню жизни», в «естество», страстная преданность утопической мечте о водворении правды на земле. В этом отношении очень любопытно стихотворение Некрасова, посвященное Чернышевскому, под названием «Пророк». Последние стихи читаются так: *Его послал Бог гнева и печали / Рабам земли напомнить о Христе*».

В фейсбуке: <https://www.facebook.com/photo.php?fbid=1566321846788040>

ОБЩИЕ ВЗГЛЯДЫ

«Добр тот, кто делает хорошее для других; зол – кто делает дурное для других. Соединим теперь эти простые истины и в выводе получим: "добрым человек бывает тогда, когда для получения приятного себе он должен делать приятное другим; злым бывает он тогда, когда принужден извлекать приятное себе из нанесения неприятности другим"»

Н. Г. Чернышевский

Творчество Н. Г. Чернышевского многогранно и включает в себя несколько философских трудов, многочисленные статьи, заметки, литературные работы и др. Обобщение этого огромного материала представляет сложность. Одна из попыток обобщения может быть найдена в работе Н.О. Лосского «История русской философии». Лосский сводит мировоззрение Чернышевского к материализму и социализму. В области этики он считает его сторонником теории «разумного эгоизма». Обратимся к рассуждениям Лосского:

«В двадцатилетнем возрасте Чернышевский стал материалистом, атеистом, республиканцем-демократом и социалистом. Незаслуженные страдания людей вообще и хороших людей в частности являлись для него доказательством несуществования Бога. Основной целью его жизни было свержение монархии посредством безжалостной крестьянской революции. За свою революционную деятельность Чернышевский был арестован в 1862 г., сослан на каторгу в Сибирь и впоследствии был оставлен там на поселение. В 1883 г. Чернышевскому разрешили вернуться в Европейскую Россию и проживать сначала в Астрахани, а затем в Саратове.

Влияние философии Гегеля на Чернышевского сказалось главным образом в следующем. Чернышевский высоко ценил диалектический метод, сущность которого состоит в том, что «все в мире изменяется» ввиду существования противоположных сил и качеств. Материалистам чрезвычайно трудно объяснить, как материальный процесс может вызвать психический. Чернышевский разрешает эту проблему ссылкой на учение Гегеля, согласно которому количественные изменения приводят на определенной стадии к возникновению нового качества.

Аргументация Чернышевского относительно колебаний эфира и цветовых впечатлений особенно интересна. В письме к своему сыну из Сибири Чернышевский писал: «...натуралисты напрасно и воображают, будто световые колебания эфира превращаются в цветовые впечатления. Цветовые впечатления — это те колебания, продолжающие идти по зрительному нерву, доходящие до головного мозга и продолжающие совершаться в нем. Превращения тут никакого нет». Если бы это утверждение не заключало в себе абсурдного отождествления между волнами эфира и цветами, то его следовало бы понимать в том смысле, что даже вне человеческого организма материальные процессы содержат чувственно воспринимаемые качества цвета, звука и т. д. Отсюда можно было бы сделать вывод, что эти качества являются материальной, а не психической действительностью. Эта теория довольно широко распространена в современной философии.

В биологии Чернышевский был сторонником учения трансформизма, но относился с величайшим презрением к теории Дарвина о борьбе за существование как факторе эволюции. Он утверждал, что борьба за существование вследствие чрезмерного

размножения и недостатка пищи является злом для организма и приводит к дегенерации, а не к усовершенствованию. Если бы борьба за существование являлась главным фактором эволюции, то органическая жизнь, как полагает Чернышевский, исчезла бы вообще и была замещена неорганическими соединениями, которые более устойчивы, чем организмы.

В области этики Чернышевский был сторонником теории «разумного эгоизма». Разумная личность понимает, что ее личное счастье сочетается с общим благополучием. Наиболее убедительно Чернышевский излагает свои этические теории в романе «Что делать?». Один из персонажей этого романа — Лопухов, — жертвуя собой ради блага других, говорит: «Не такой человек, чтобы приносить жертвы. Да их и не бывает, никто и не приносит, это фальшивое понятие: жертва — сапоги в смятку. Как приятнее, так и поступаешь». Некоторые рассматривают этот аргумент как неопровержимое доказательство истинности даже гедонических теорий этики. В действительности, однако, он таит в себе заблуждение малообзрения.

Целью всякого нашего действия является какая-то действительная или воображаемая ценность, которую мы любим, а чувство удовольствия, которое нами переживается, — это только признак достижения цели, но, конечно, не цель сама по себе. Материалисты не могут объяснить бескорыстную любовь к таким объективным ценностям, как правда, красота или ценности другого существа, поэтому пытаются истолковать всякое действие человека как следствие его стремления к удовольствию. То, что такие люди, как Чернышевский, посвятившие всю жизнь бескорыстному служению безличным ценностям, стремились объяснить свое поведение мотивами эгоизма, часто является следствием того, что называется скромностью, которая не позволяла им прибегать к таким высокопарным словам, как «совесть», «честь», «идеал» и т. д.

В 1854 г. в Петербургском университете Чернышевский представил на соискание степени магистра философских наук диссертацию по эстетике («Эстетические отношения искусства к действительности»). Однако главным предметом научных занятий Чернышевского была политическая экономия. В своей диссертации Чернышевский подверг резкой критике идеалистические немецкие теории эстетики, «...прекрасное, — он понимал, — как полноту жизни...». Цель искусства суть воспроизведение действительности и объяснение ее. Красота живой действительности выше произведений искусства.

Отрицание традиционных устоев общественной жизни, выраженное в работах Чернышевского и его единомышленника Добролюбова (1836—1861), удачно названо нигилизмом. И. С. Тургенев, который придумал это название, сказал однажды Чернышевскому в беседе о его движении: «Вы, Николай Гаврилович, просто змея, а Добролюбов — очковая».

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ ПРИНЦИП В ФИЛОСОФИИ. Ч.1.

«Принципом философского воззрения на человеческую жизнь со всеми ее феноменами служит выработанная естественными науками идея о единстве человеческого организма; наблюдениями физиологов, зоологов и медиков отстранена всякая мысль о дуализме человека»

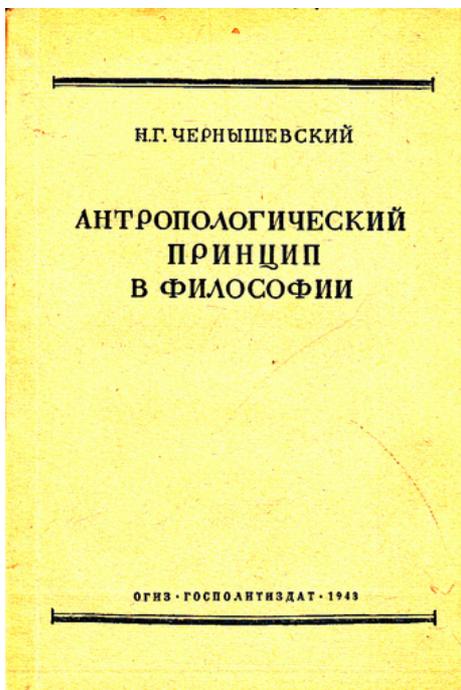
Н. Г. Чернышевский

Философские взгляды Н. Г. Чернышевского наиболее подробно изложены в его работе «Антропологический принцип в философии» (1860), которая написана по поводу философских очерков П. Л. Лаврова. В этой большой статье он выступает с критикой учения о душе и Боге, приводит аргументы в пользу философского реализма и материализма, при этом он критикует философию Фихте и Шопенгауэра. Статье явно недостает систематичности, поскольку автор часто переходит от одной темы к другой. Приводим рассуждения Чернышевского о единстве человеческой природы:

«Основанием для той части философии, которая рассматривает вопросы о человеке, точно так же служат естественные науки, как и для другой части, рассматривающей вопросы о внешней природе. Принципом философского воззрения на человеческую жизнь со всеми ее феноменами служит выработанная естественными науками идея о единстве человеческого организма; наблюдениями физиологов, зоологов и медиков отстранена всякая мысль о дуализме человека. Философия видит в нем то, что видят медицина, физиология, химия; эти науки доказывают, что никакого дуализма в человеке не видно, а философия прибавляет, что если бы человек имел, кроме реальной своей природы, другую природу, то эта другая природа непременно обнаруживалась бы в чем-нибудь и так как она не обнаруживается ни в чем, так как все происходящее и проявляющееся в человеке происходит по одной реальной его природе, то другой природы в нем нет.

[Это доказательство имеет совершенную несомненность.] Убедительность [его] равняется убедительности тех оснований, по которым, например, вы, читатель, уверены, что, например, в эту минуту, когда вы читаете эту книгу, в той комнате, где вы сидите, нет льва. Вы так думаете, во-первых, потому, что не видите его глазами, не слышите его рыкания; но это ли одно ручается вам за то, что льва нет в вашей комнате? Нет, есть у вас второе ручательство за то: ручательством служит тот самый факт, что вы живы; если бы в вашей комнате находился лев, он бросился бы на вас и растерзал бы вас. Нет последствий, которыми неизбежно сопровождалось бы присутствие льва, потому вы знаете, что нет тут и льва. Скажите также, почему вы убеждены, что собака не умеет говорить? Вы не слышали, чтобы она когда-нибудь говорила; само по себе это было бы еще недостаточно: вы видели многих людей, которые молчали в то время, как вы их видели: они просто не хотели, а не то чтобы не умели говорить: быть может, и собака только не хочет говорить, а не то что не умеет говорить? Так и думают люди с неразвитым умом, верящие сказкам, в которых разговаривают животные, и объясняющие свое предположение таким способом: собака очень умна и хитра, она знает, что слова часто доводят до беды, оттого и молчит, расе читав, что молчать гораздо безопаснее, чем говорить. Вы смеетесь над такими замысловатыми объяснениями и понимаете дело проще: вы видели случаи, в которых собака не могла бы не говорить, если бы имела эту способность; например, убивают собаку; она визжит изо всех сил, ей, очевидно, невозможно удержаться от выражения своей мысли о том, что ей больно, о том, что с нею поступают жестоко. Она ищет

всяких средств выразить это и находит одно средство - визг, а слов не находит; значит, в ней нет дара слова; если б он был в ней, она действовала бы иначе. Дано обстоятельство, в котором существование известного элемента в известном предмете непременно имело бы известный результат; этого результата нет, потому нет и этого элемента.

Возьмем еще случай. Почему вы знаете, что, например, г. Юм, наделавший у нас в Петербурге такого шума года два тому назад своими фокусами, - действительно только фокусник, а не может в самом деле знать будущего, знать тайн, которых ему не сказывали, читать книг и бумаг, которые не находятся у него перед глазами? Вы знаете это вот почему: если бы он мог знать будущее, он был бы сделан дипломатическим советником при каком-нибудь дворе и рассказывал бы министерству этого двора все, что произойдет в данных случаях: например, он сказал бы Рехбергу в прошлом марте, что если австрийцы начнут войну, то они будут побиты при Палестро, Мадженге и Сольферино и потеряют Ломбардию. Тогда австрийцы не начали бы войны, и не было бы ничего из того, что произошло в прошлом году в Италии, Франции, Австрии, а происходило бы что-нибудь совершенно иное. Если бы он мог читать книги, не находящиеся у него под глазами, тогда

правительства и ученые общества не стали бы посылать ученых на восток отыскивать древние рукописи, а обратились бы с просьбой к нему, и он из Парижа прочел бы и продиктовал бы им какого-нибудь неизвестного нам теперь древнего греческого писателя, список которого уцелел в каком-нибудь сирийском захолустье. Этого нет, г. Юм и его собратья по искусству не открыли ровно ничего ни дипломатам, ни ученым; а непременно открывали бы им важные вещи, если бы могли, потому что это было бы для них и несравненно выгоднее, и несравненно почетнее фокусничества; потому они и не имеют той способности, которую приписывают им легковверные люди. О всех таких случаях не довольно сказать: мы не знаем, существует ли известный элемент; нет, рассудок обязывает нас прямо сказать: мы знаем, что этого элемента нет; если б он был, то происходило бы не то, что происходит.

Но при единстве природы мы замечаем в человеке два различные ряда явлений: явления так называемого материального порядка (человек ест, ходит) и явления так называемого нравственного порядка (человек думает, чувствует, желает). В каком же отношении между собою находятся эти два порядка явлений? Не противоречит ли их различие единству природы человека, показываемому естественными науками? Естественные науки опять отвечают, что делать такую гипотезу мы не имеем основания, потому что нет предмета, который имел бы только одно качество,-- напротив, каждый предмет обнаруживает бесчисленное множество разных явлений, которые мы для удобства суждения о нем подводим под разные разряды, давая каждому разряду имя качества, так что в каждом предмете очень много разных качеств. Например, дерево растет, горит; мы говорим, что оно имеет два качества: растительную силу и удобосгораемость. В чем сходство между этими качествами? Они совершенно различны; нет такого понятия, под которое можно было бы подвести оба эти качества, кроме общего понятия качество; нет такого понятия, под которое можно было подвести оба ряда явлений, соответствующих этим качествам, кроме

понятия явление. Или, например, лед тверд и блестящ; что общего между твердостью и блеском? Логическое расстояние от одного из этих качеств до другого безмерно велико, или, лучше сказать, нет между ними никакого, близкого или далекого, логического расстояния, потому что нет между ними никакого логического отношения. Из этого мы видим, что соединение совершенно разнородных качеств в одном предмете есть общий закон вещей.

Но в этом разнообразии естественные науки открывают и связь, - не по формам обнаружения, не по явлениям, которые решительно несходны, а по способу происхождения разнородных явлений из одного и того же элемента при напряжении или ослаблении энергичности в его действовании. Например, в воде есть свойство иметь температуру - свойство, общее всем телам. В чем бы ни состояло свойство предметов, называемое нами теплотой, но оно при разных обстоятельствах обнаруживается с очень различными величинами. Иногда один и тот же предмет очень холоден, то есть обнаруживает очень мало тепла; иногда он очень горяч, то есть обнаруживает его очень много. Когда вода, по каким бы то ни было обстоятельствам, обнаруживает очень мало теплоты, она бывает твердым телом - льдом; обнаруживая несколько больше теплоты, она бывает жидкостью; а когда в ней теплоты очень много, она становится паром. В этих трех состояниях одно и то же качество обнаруживается тремя порядками совершенно различных явлений, так что одно качество принимает форму трех разных качеств, разветвляется на три качества просто по различию количества, в каком обнаруживается: количественное различие переходит в качественное различие».

В фейсбуке: <https://www.facebook.com/photo.php?fbid=1576971802389711>

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ ПРИНЦИП В ФИЛОСОФИИ. Ч.2.

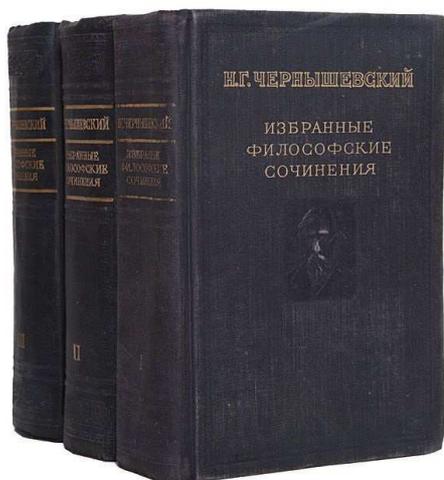
«Если при нынешнем состоянии научного неведения (индуктивной логики) мы в большой части случаев еще не можем с достоверностью определить по исследованной нами части предмета, какой именно характер имеет неисследованная часть его, то уже всегда можем с достоверностью определять, какого характера не может иметь она»

Н. Г. Чернышевский

Продолжаем рассматривать философские взгляды Н. Г. Чернышевского, изложенные в его работе «Антропологический принцип в философии» (1860). В следующем фрагменте Чернышевский рассуждает о статусе гуманитарных наук и отстаивает их научный характер. По его мнению, гуманитарные науки еще не достигли той же степени точности, что и естественные науки, лишь потому, что ими стали заниматься позднее и багаж накопленных знаний еще недостаточен. Чернышевский пишет:

«Словом "наука" (science) у англичан называются далеко не все те отрасли знания, которые у нас и у других континентальных народов обнимаются этим выражением. Англичане называют науками математику, астрономию, физику, химию, ботанику, зоологию, географию, - те отрасли знаний, которые называются у нас "точными" науками, и те, которые очень близко подходят к ним по своему характеру; но они не разумеют под выражением "наука" ни истории, ни психологии, ни нравственной философии, ни метафизики. Надобно сказать, что действительно существует громадная разница между этими двумя половинами знаний по качеству понятий, господствующих в той или другой. Из одной половины каждый сколько-нибудь просвещенный человек уже удалил всякие неосновательные предубеждения, и все рассудительные люди уже держатся в этих предметах одинаковых коренных понятий. Знания наши и по этим отраслям бытия очень неполны; но, по крайней мере, каждый тут знает, что нам известно основательным образом, что еще неизвестно и что, наконец, несомненным образом опровергнуто точными исследованиями. Попробуйте, например, сказать, что человеческому организму нужна пища или нужен воздух, - с вами никто не будет спорить; попробуйте сказать, что еще неизвестно, те ли одни вещества могут служить пищею человеку, какими теперь он питается, и что, может быть, найдутся новые вещества, пригодные для этой цели, - с вами также никто из просвещенных людей не станет спорить и каждый прибавит только, что если новые вещества для пищи и будут найдены, если и очень вероятно, что они будут найдены, то до сих пор они еще не найдены, и человек пока может питаться только известными веществами, вроде хлебных растений, мяса, молока или рыбы; вы, в свою очередь, совершенно согласитесь с этим замечанием, и спора тут у вас быть не может. Спорить вы можете только о том, как велика или мала вероятность скорого открытия новых питательных веществ и к какому роду вещей скорее всего могут принадлежать эти новые, еще не открытые вещества; но в этом споре вы и ваш противник одинаково будете знать и признаваться, что выражаете только догадки, не имеющие полной достоверности, могущие оказаться более или менее полезными для науки впоследствии времени (потому что догадки, гипотезы дают направление ученым исследованиям и ведут к открытию истины, подтверждающей или опровергающей их), но еще вовсе не входящие в число научных истин. Попробуйте сказать, наконец, что без пищи человек существовать не может, - и тут каждый с вами согласится, и каждый понимает, что это отрицательное суждение находится в неразрывной логической связи с

положительным суждением: "человеческому организму нужна пища"; каждый понимает, что если принять одно из этих двух суждений, то непременно надобно принять и другое.

Совсем не то, например, в нравственной философии. Попробуйте сказать, что хотите - всегда найдутся люди умные и образованные, которые станут говорить противное. Скажите, например, что бедность вредно действует на ум и сердце человека, - множество умных людей возражат вам: "нет, бедность изощряет ум, принуждая его приискивать средства к ее отвращению; она облагораживает сердце, направляя наши мысли от суетных наслаждений к доблестям терпения, самоотвержения, сочувствия чужим нуждам и бедам". Хорошо; попробуйте сказать наоборот, что бедность выгодно действует на человека, - опять такое же множество или еще большее множество умных

людей возражат: "нет, бедность лишает средств к умственному развитию, мешает развитию самостоятельного характера, влечет к неразборчивости в употреблении средств для ее отвращения или для простого поддержания жизни; она главный источник невежества, пороков и преступлений". Словом сказать, какой бы вывод ни вздумали вы сделать в нравственных науках, вы всегда найдете, что и он, и другой, противоположный ему, вывод и, кроме того, множество других выводов, не клеящихся ни с вашим, ни с противоположным ему выводом, ни друг с другом, имеют искренних защитников между умными и просвещенными людьми. То же самое в метафизике, то же самое в истории, без которой ни нравственные науки, ни метафизика не могут обойтись...

Такое положение дел в истории, нравственных науках и метафизике заставляет многих думать, что эти отрасли знания не дают или даже и вовсе не могут никогда дать нам ничего столь достоверного, как математика, астрономия и химия... Еще не так далеко от нас время, когда нравственные науки в самом деле не могли иметь содержания, которым бы оправдывался титул науки, им принадлежавший, и англичане были тогда совершенно правы, отняв у них это имя, которого они не были достойны. Теперь положение дел значительно изменилось. Естественные науки уже развились настолько, что дают много материалов для точного решения нравственных вопросов. Из мыслителей, занимающихся нравственными науками, все передовые люди стали разрабатывать их при помощи точных приемов, подобных тем, по которым разрабатываются естественные науки. Когда мы говорили о противоречиях между разными людьми по каждому нравственному вопросу, мы говорили только о давнишних, наиболее распространенных, но уже оказывающихся отсталыми, понятиях и способах исследования, а не о том характере, какой получают нравственные науки у передовых мыслителей; о прежнем, рутинном характере этих знаний, а не о нынешнем их виде. По нынешнему своему виду нравственные науки различаются от так называемых естественных, собственно, только тем, что начали разрабатываться истинно научным образом позже их, и потому разработаны еще не в таком совершенстве, как они. Тут разница лишь в степени: химия моложе астрономии и не достигла еще такого совершенства; физиология еще моложе химии и еще дальше от совершенства; психология, как точная наука, еще моложе физиологии и разработана еще меньше. Но различаясь между собою по количеству приобретенных точных знаний, химия и

астрономия не различаются ни по достоверности того, что узнали, ни по способу, которым идут к точному знанию своих предметов: факты и законы, открываемые химиею, так же достоверны, как факты и законы, открываемые астрономиею. То же надобно сказать о результатах нынешних точных исследований в нравственных науках».

В фейсбуке: <https://www.facebook.com/photo.php?fbid=1577997848953773>

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ ПРИНЦИП В ФИЛОСОФИИ. Ч.3.

«Положительно известно, что все явления нравственного мира протекают одно из другого и из внешних обстоятельств по закону причинности, и на этом основании признано фальшивым всякое предположение о возникновении какого-нибудь явления, не произведенного предыдущими явлениями и внешними обстоятельствами»

Н. Г. Чернышевский

Значительную часть своей статьи «Антропологический принцип в философии» (1860) Н. Г. Чернышевский посвящает обоснованию научного статуса «нравственных наук», то есть наук о человеке. Рассуждая о психологии, он считает, что одним из ее фундаментальных законов является «закон причинности», согласно которому всякий поступок и всякая мысль имеют причину. Так, дурной поступок или хороший поступок производится непременно каким-нибудь нравственным или материальным фактом или сочетанием фактов, а воля человека является не более чем «субъективным впечатлением». Обратимся к рассуждениям Чернышевского:

«Первым следствием вступления нравственных знаний в область точных наук было строгое различие того, что мы знаем, от того, чего не знаем. Астроном знает, что ему известна величина планеты Марса, и столь же положительно знает, что ему неизвестен геологический состав этой планеты, характер растительной или животной жизни на ней и самое то, существует ли на ней растительная или животная жизнь. Если бы кто-нибудь вздумал утверждать, что на Марсе находится глина или гранит, существуют птицы или моллюски, астроном сказал бы ему: вы утверждаете то, чего не знаете. Если бы фантазер зашел в своих предположениях дальше и сказал бы, например, что живущие на Марсе птицы не подвержены болезням, а моллюски не нуждаются в пище, астроном при помощи химика и физиолога доказал бы ему, что этого даже и быть не может. Точно так же и в нравственных науках теперь строго разграничено известное от неизвестного, и на основании известного доказана несостоятельность некоторых прежних предположений о том, что еще остается неизвестным. Положительно известно, например, что все явления нравственного мира протекают одно из другого и из внешних обстоятельств по закону причинности, и на этом основании признано фальшивым всякое предположение о возникновении какого-нибудь явления, не произведенного предыдущими явлениями и внешними обстоятельствами. Поэтому нынешняя психология не допускает, например, таких предположений: "человек поступил в данном случае дурно, потому что захотел поступить дурно, а в другом случае хорошо, потому что захотел поступить хорошо". Она говорит, что дурной поступок или хороший поступок был произведен непременно каким-нибудь нравственным или материальным фактом или сочетанием фактов, а "хотение" было тут только субъективным впечатлением, которым сопровождается в нашем сознании возникновение мыслей или поступков из предшествующих мыслей, поступков или внешних фактов.

Самым обыкновенным примером действий, ни на чем не основанных, кроме нашей воли, представляется такой факт: я встаю с постели; на какую ногу я встану? захочу - на левую, захочу - на правую. Но это только так представляется поверхностному взгляду. На самом деле факты и впечатления производят то, на какую ногу встанет человек. Если нет никаких особенных обстоятельств и мыслей, он встанет на ту ногу, на которую удобнее ему встать по анатомическому положению его тела на постели. Если явятся особенные побуждения, превосходящие свою силу это физиологическое

удобство, результат изменится сообразно перемене обстоятельств. Если, например, в человеке явится мысль: "стану не на правую ногу, а на левую", он сделает это; но тут произошла только простая замена одной причины (физиологического удобства) другою причиною (мысль доказать свою независимость) или, лучше сказать, победа второй причины, более сильной, над первой. Но откуда явилась эта вторая причина, откуда явилась мысль показать свою независимость от внешних условий? Она не могла явиться без причины, она произведена или словами собеседника, или воспоминанием о прежнем споре, или чем-нибудь подобным. Таким образом тот факт, что человек, когда захочет, может ступить с постели не на ту ногу, на которую удобно ему ступить по анатомическому положению тела на постели, а на другую ногу, - этот факт свидетельствует вовсе не то, чтобы человек без всякой причины мог ступить на ту или другую ногу, а только то, что вставание с постели может совершаться под влиянием причин более сильных, чем влияние анатомического положения его тела перед актом вставания.

То явление, которое мы называем волею, само является звеном в ряду явлений и фактов, соединенных причинною связью. Очень часто ближайшею причиною появления в нас воли на известный поступок бывает мысль. Но определенное расположение воли производится также только определеною мыслью: какова мысль, такова и воля; будь мысль не такова, была бы не такова и воля. Но почему же явилась именно такая, а не другая мысль? Опять от какой-нибудь мысли, от какого-нибудь факта, словом сказать, от какой-нибудь причины. Психология говорит в этом случае то же самое, что говорит в подобных случаях физика или химия: если произошло известное явление, то надобно искать ему причины, а не удовлетворяться пустым ответом: оно произошло само собою, без всякой особенной причины - "я так сделал, потому что так захотел". Прекрасно, но почему же вы так захотели? Если вы отвечаете: "просто, потому что

захотел", это значит то же, что говорить: "тарелка разбилась, потому что разбилась; дом сгорел, потому что сгорел". Такие ответы - вовсе не ответы: ими только прикрывается лень доискиваться подлинной причины, недостаток желания знать истину...

С теоретической стороны вопрос о добрых и злых качествах человеческой природы разрешается столь легко, что даже и не может быть назван вопросом: он сам в себе уже заключает полный ответ. Но другое дело, если вы возьмете практическую сторону дела, если, например, вам кажется, что для самого человека и для всех окружающих его людей гораздо лучше ему быть добрым, чем злым, и если вы захотели бы позаботиться, чтобы каждый стал добр: с этой стороны дело представляет очень большие трудности; но они, как заметит читатель, относятся уже не к науке, а только к практическому исполнению средств, указываемых наукой. Психология и нравственная философия находятся тут опять точно в таком же положении, как естественные науки. Климат в северной Сибири слишком холоден; если бы мы спросили, каким способом можно сделать его теплее, естественные науки не затруднятся ответом на это: Сибирь закрыта горами от теплой южной атмосферы и открыта своим склоном к северу холодной северной атмосфере: если бы горы шли по северной границе ее, а на южной не было гор, страна эта была бы гораздо теплее. Но у нас еще недостает

средств исполнить на практике это теоретическое решение вопроса. Точно так же и у нравственных наук готов теоретический ответ почти на все вопросы, важные для жизни, но во многих случаях у людей недостает еще средств для практического исполнения того, что указывает теория. Впрочем, нравственные науки имеют в этом случае преимущество над естественными. В естественных науках все средства принадлежат области так называемой внешней природы; в нравственных науках только одна половина средств принадлежит этому разряду, а другая половина средств заключается в самом человеке; стало быть, половина дела зависит только от того, чтобы человек с достаточною силою почувствовал надобность в известном улучшении: это чувство уже дает ему очень значительную часть условий, нужных для улучшения».

В фейсбуке: <https://www.facebook.com/photo.php?fbid=1579075245512700>

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ ПРИНЦИП В ФИЛОСОФИИ. Ч.4.

«Я – один из тех мыслителей, которые неуклонно держатся научной точки зрения. Моя обязанность – рассматривать все, о чем я думаю, с научной точки зрения»

Н. Г. Чернышевский

Продолжаем рассматривать философские воззрения Н. Г. Чернышевского. В своей главной работе «Антропологический принцип в философии» (1860) он выступает сторонником материалистических взглядов, там же он формулирует общие принципы своей этики. Его позиция удачно изложена в работе В. В. Зеньковского «История русской философии». Обратимся к анализу Зеньковского:

«В этюде «Антропологический принцип» Чернышевский стоит, собственно, на позиции материалистического биологизма, но не материализма - в точном смысле слова. Он считает то «научным направлением в философии», которое он противопоставляет всякой метафизике, – как «остаткам фантастического мирозерцания». Позже у Чернышевского мысль стала отчетливо склоняться к материализму, и он заявляет, что «то, что существует, называется материей». Иными словами, существует только материальное бытие... В этюде «Антропологический принцип» Чернышевский, правда, признает самостоятельное бытие психики и только подчеркивает подчиненность психики закону причинности, но в письмах из Сибири Чернышевский утверждает, что «цветовые впечатления суть те же колебания эфира, доходящие до головного мозга и продолжающиеся совершаться в нем». «Превращения» тут нет никакого, то есть психические процессы суть те же физические колебания... Об этом вульгарно-материалистическом взгляде Стеклов, сам последователь материализма, говорит, что здесь основные начала материализма «доведены до крайних логических выводов».

Для упрощенного биологизма, в котором застряла мысль Чернышевского, характерно утверждение наивного реализма. Чернышевский считает «иллюзионизмом» все течение трансцендентализма – и даже резче: это – «метафизический вздор» для него. Равным образом, Чернышевский очень резко высказывается против утверждения позитивистов, что все, что находится за пределами опыта, недоступно для познания. Чернышевский не хочет ставить никаких границ познанию, – и здесь он, конечно, остается верен духу «научного построения философии», защищая право науки на гипотезы. Позитивизм Чернышевского в том, что он подчиняет область «нравственного», то есть все вопросы духовного порядка, тем принципам, которые господствуют в сфере физико-химических процессов. Это есть упрощение проблематики мира, ведущее к упразднению всякой философии. В одном из писем из Сибири Чернышевский говорит о себе: «Я – один из тех мыслителей, которые неуклонно держатся научной точки зрения. Моя обязанность – рассматривать все, о чем я думаю, с научной точки зрения», а «научная точка зрения» представляется Чернышевскому, как подчинение в познании всего принципам, господствующим в сфере физико-химических процессов. Это безоговорочное и некритическое подчинение всех тем познания принципам, господствующим в самой низшей сфере бытия, по справедливости, было оценено однажды, как «алогизм».

Сильной стороной позиции Чернышевского является, конечно, его реализм, стремление исходить из «действительности». Впоследствии последователь Чернышевского, Писарев, выразил это в известной формуле: «Слова и иллюзии гибнут, факты остаются». Это и есть то «фактопоклонство», которое в философской форме

является позитивизмом – упрощенным, наивным, но отвечавшим общим тенденциям эпохи.

Чернышевский рано увлекся социализмом, его вдохновляла мысль о существенном изменении социального строя. Вслед за Герценом и славянофилами он глубоко верил в русский общинный строй, – и его надо считать вождем русского социалистического народничества. Однако теоретические воззрения Чернышевского в области этики не отличались ни оригинальностью, ни глубиной; он был поклонником этики утилитаризма, системы «разумного эгоизма» и видел в этой системе «научное обоснование морали». Это звучит чрезвычайно наивно, но Чернышевский (да и все течение русского радикализма) упрямо твердит именно о «научном» обосновании этики, находя это «обоснование» в данных психологии... У Чернышевского читаем: «Естественные науки уже развились настолько, что дают много материалов для точного (!) решения нравственных вопросов». Тут имеется в виду не только этика, но и все вопросы духовного порядка. Так, после длинного рассуждения на чисто этические темы, Чернышевский горделиво заявляет, что «метод анализа нравственных понятий в духе естественных наук... дает нравственным понятиям основание самое непоколебимое».

Рассуждая «в духе естественных наук», Чернышевский прежде всего (и здесь было очень сильно влияние Фурье) горячо защищает полную свободу всего «естественного». Теорема Руссо о «радикальном добре человеческой натуры» – и прямо, и через Фурье – очень глубоко засела у русских мыслителей, в частности, у Чернышевского (как раньше, у Герцена, несколько позже – особенно ярко у Писарева...). В очень любопытной форме Чернышевский набросал однажды образ «положительного» человека, – это есть «человек вполне», то есть цельный и внутренне гармонический: «положительность» совпадает с отсутствием «болезненной фантазии» «и не ослабляет силы чувства и энергии требований». Когда далее Чернышевский, следуя французским мыслителям XVIII века, уверяет, что корень всех движений в человеке – и корыстных, и бескорыстных – один и тот же (а именно «любовь к самому себе», «мысль о личной пользе»), – то сейчас же добавляет, что эгоистический корень всех движений «не отнимает цену у героизма и благородства».

Это очень важно учесть для правильного истолкования этики Чернышевского: его «научное» объяснение этической жизни не устраняет автономии оценивающей силы духа. Как и Герцен, так и Чернышевский без колебаний признают ценность «героизма» и «благородства» – не с «научной», конечно, точки зрения (для которой, по Чернышевскому, все определяется эгоизмом), а с точки зрения чисто этической, совершенно независимой от «науки». Это контрабандное использование чисто этического критерия (более открытое, как мы уже видели, у Герцена) мнимо обосновывается у Чернышевского отождествлением добра и пользы. «Мы хотели показать, – пишет Чернышевский, – что понятие добра не расшатывается, а, напротив, укрепляется, когда мы открываем его истинную натуру, когда находим, что добро есть польза». «Нравственно здоровый человек инстинктивно (!) чувствует, что все ненатуральное вредно и тяжело». Эта ссылка на «нравственное здоровье» есть лишь прикрытие того этического идеализма, которым фактически жил Чернышевский, – и, недаром, у него совершенно выпадает в этике идея моральной ответственности.

«Человеческой природы нельзя ни бранить... ни хвалить... все зависит от обстоятельств: ...при известных обстоятельствах человек становится добр, при других – зол». Но тогда выпадает возможность того этического пафоса, который все же никогда не угасал у Чернышевского. Стеклов (вслед за Плехановым) думает, что ошибка Чернышевского – в рассудочности (при анализе моральной сферы), столь характерной для позиции «Просвещения», но дело, конечно, не в том, чтобы преодолеть примитивный рационализм этики, основанной на «расчете», а в том, чтобы понять, что так называемое «научное» истолкование моральной сферы не может прикрыть того, что этическая оценка оказывается как раз «автономной», то есть вовсе необоснованной...

В действительности Чернышевский горячо и страстно защищал права личности на свободу; очень удачно выразился Котляревский о всем течении радикализма, что в основе его лежала «вера в почти чудотворную силу личности». Этический пафос у Чернышевского определяется его горячей любовью ко всем, кто угнетен условиями жизни. Социализм и этический персонализм совершенно искусственно возводятся у Чернышевского к «новому» пониманию человека. Здесь Чернышевский, как и Фейербах, по существу движется в линии идеализма, – и только гипнозом «сциентизма» нужно объяснять то, что этический идеализм облачается у Чернышевского в неподходящую сюда систему того плоского учения, которое считает итогом науки сведение всей активности человека к эгоизму...».

В фейсбуке: <https://www.facebook.com/photo.php?fbid=1579916045428620>

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ ПРИНЦИП В ФИЛОСОФИИ. Ч.5.

«Мышление состоит в том, чтобы из разных комбинаций ощущений и представлений, изготовляемых воображением при помощи памяти, выбирать такие, которые соответствуют потребности мыслящего организма в данную минуту, в выборе средств для действия, в выборе представлений, посредством которых можно было бы дойти до известного результата. В этом состоит не только мышление о житейских предметах, но и так называемое отвлеченное мышление»

Н. Г. Чернышевский

В работе «Антропологический принцип в философии» (1860) Н. Г. Чернышевский приводит интересное рассуждение о животных, из которого можно понять, что в ряде отношений он сближает способности животных и способности людей. Так, по мнению Чернышевского, животные не только имеют чувства, самосознание, воображение, память, рассудительность, но и не лишены «некоторой способности к прогрессу». Рассуждение Чернышевского призвано выработать более гуманистическое отношение к животным, показав важность их места в общей эволюционной цепи (куда входит и человек). Чернышевский пишет:

«Научный анализ открывает несправедливость голословных фраз, будто животные вовсе лишены разных почетных качеств, как, например, некоторой способности к прогрессу. Обыкновенно говорят: животное всю жизнь остается тем, чем родилось, ничему не научается, не идет вперед в умственном развитии. Такое мнение разрушается фактами, известными каждому: медведя научают плясать и выкидывать разные штуки, собак подавать поноску и танцевать; слонов даже выучивают ходить по канату, даже рыб приучают собираться в данное место по звонку, - этого всего обученные животные не делали без ученья; ученье дает им качества, которых без него не имели бы они. Не только человек учит животных - сами животные учат друг друга; известно, что хищные животные учат своих детей ловить добычу; птицы учат своих детей летать. Но, говорят нам, это наученье, это развитие имеет известный предел, дальше которого не идет животное, так что каждая порода неподвижна в своем развитии, которое относится только к отдельным членам ее; отдельное животное может иметь свою историю, но порода остается без истории, понимая под историю прогрессивное движение. Это также несправедливо; на наших глазах совершенствуются целые породы животных: например, улучшается порода лошадей или рогатого скота в известной стране. Человек имеет пользу от развития одних только экономических качеств животного: от увеличения силы у лошади, шерсти у овцы, молока и мяса у коровы и быка; потому мы и совершенствуем целые породы животных только в этих внешних качествах. Но все-таки из этого уже видно, что животные доступны развитию не только индивидуумами, а целыми породами. Этого одного факта было бы уже достаточно для несомненного заключения о том, что и умственные способности животных каждой породы не стоят неподвижно на одной данной точке, а также изменяются: естественные науки говорят, что причина, производящая перемену в мускулах, то есть изменение качеств крови, непременно производит некоторую перемену и в нервной системе...

Мы употребляли выражение "умственные способности", говоря о животных. В самом деле, нельзя отрицать в них ни памяти, ни воображения, ни мышления. О памяти

нечего говорить: каждому известно, что нет ни одного млекопитающего, ни одной птицы без этой способности, и у некоторых пород она развита очень сильно; память собаки чрезвычайно велика: она узнает человека, виденного ею очень давно, умеет находить дорогу в хозяйский дом из очень отдаленного места. Воображение непременно должно существовать, если есть память, потому что оно только соединяет в новые группы разные представления, хранимые памятью. Если существует нервная деятельность, то есть если происходит непрерывная смена ощущений и впечатлений, то прежние представления непременно должны беспрестанно попадать в сочетания с новыми, а этот феномен уже и есть то самое, что называется воображением. Положительным образом существование фантазии в животном доказывается тем, что кошка видит сны: она во сне часто бывает похожа на лунатика: то сердится, то радуется. Впрочем, нет надобности слишком дорожить этим частным фактом, способностью кошки иметь сновидения: существование фантазии у животных обнаруживается другим, гораздо более общим фактом - расположением всех молодых животных забавляться посредством игры над внешними предметами, которые не могли бы служить предметом такой игры, если бы не представлялись играющему животному чем-то вроде кукол. Молодая кошка забавляется какой-нибудь щепочкою или кусочком шерсти, как будто мышью: она бросает клочок шерсти, чтобы он как будто бежал, сама принимает подстерегающее положение, потом прыгает и ловит воображаемую мышь, - это прямо игра в куклы, только кукла тут имеет роль не жениха и невесты, не барышни и служанки, а роль мышки: что делать, каждое существо дает предметам такую роль, какая для него интересна...

Говорят, будто бы животные не рассуждают. Это чистый вздор. Вы поднимаете палку на собаку, собака поджимает хвост и бежит от вас; отчего это? Оттого, что у ней в голове построился следующий силлогизм: когда меня бьют палкою, мне бывает неприятно; этот человек хочет побить меня палкою, итак, удалюсь от него, чтобы не получить болезненного ощущения от его палки. Смешно и слышать, когда говорят, будто собака в этом случае убежала только по инстинкту, машинально, а не по рассуждению, не сознательно: нет, инстинкт, машинальность есть тут, но не все дело произошло инстинктивно, машинально: по инстинкту, по машинальной привычке собака поджала хвост, когда добежала от вас, а побежала она по сознательной мысли. В действиях каждого живого существа есть сторона бессознательной привычки или бессознательного движения органов; но это не мешает участию сознательной мысли в том действии, которое сопровождается и некоторыми движениями, происходящими бессознательно. Когда человек испугается, мускулы его лица бессознательно, инстинктивно принимают выражение испуга; но тем не менее происходит в голове этого человека другая часть явления, принадлежащая области сознания: он сознает, что он испуган, он сознает, что сделал движение, выражающее испуг; от этой сознательной стороны факта происходят новые последствия: человек, может быть, постыдится себя за то, что испугался, может быть, примет меры к обороне от испугавшего предмета, а может быть, поспешит удалиться от него.

Но мы забыли: ведь говорят, что у животных нет сознания, что они не сознают своих ощущений, своих мыслей, умозаключений, а только имеют их. Каким образом понять это, каким образом могут понимать эти слова сами те люди, которые говорят их, всегда было для нас загадкою. Не сознавать своего ощущения - скажите, есть ли

смысл в этой фразе? Скажите, каким образом можно составить себе отчетливое представление о комбинации понятий, которую хочет она возбудить? Ощущением ведь именно и называется такое явление, которое чувствуется; иметь бессознательное ощущение значило бы иметь нечувствуемое чувство, значило бы то же самое, что видеть невидимый предмет или, по знаменитому выражению, "слышать молчание"».

В фейсбуке: <https://www.facebook.com/photo.php?fbid=1582997108453847>

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ ПРИНЦИП В ФИЛОСОФИИ. Ч.6.

«Антропология - это такая наука, которая о какой бы части жизненного человеческого процесса ни говорила, всегда помнит, что весь этот процесс и каждая часть его происходит в человеческом организме, что этот организм служит материалом, производящим рассматриваемые ею феномены, что качества феноменов обуславливаются свойствами материала, а законы, по которым возникают феномены, есть только особенные частные случаи действия законов природы»

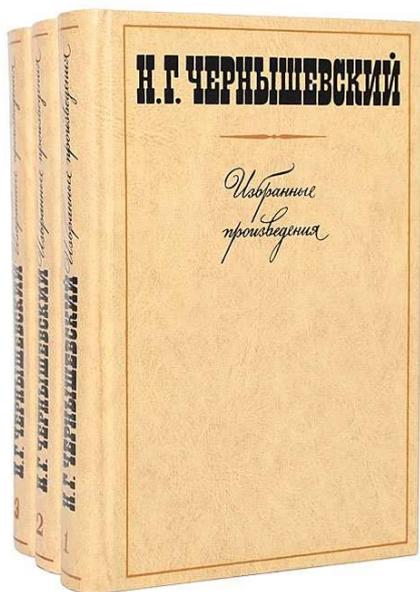
Н. Г. Чернышевский

В заключительной части работы «Антропологический принцип в философии» (1860) Н. Г. Чернышевский дает развернутое определение того, что он собственно подразумевает под «антропологическим принципом». По его мнению, это такое понимание человека, которое не делит его на множество частей (дух, душа, тело и пр.) и которое мыслит его деятельность как проявление целостной природы. Чернышевский считает, что нравственные науки возможны только с опорой на этот принцип, а его игнорирование приводит к фантастическим теориям. Обратимся к его рассуждениям:

«До сих пор остается не объяснено слово "антропологический" в заглавии наших статей; что это за вещь "антропологический принцип в нравственных науках"? Что за вещь этот принцип, читатель видел из характера самых статей: принцип этот состоит в том, что на человека надобно смотреть как на одно существо, имеющее только одну натуру, чтобы не разрезывать человеческую жизнь на разные половины, принадлежащие разным натурам, чтобы рассматривать каждую сторону деятельности человека как деятельность или всего его организма, от головы до ног включительно, или если она оказывается специальным отправлением какого-нибудь особенного органа в человеческом организме, то рассматривать этот орган в его натуральной связи со всем организмом. Кажется, это требование очень простое, а между тем только в последнее время стали понимать всю его важность и исполнять его мыслители, занимающиеся нравственными науками, да и то далеко не все, а только некоторые, очень немногие из них, между тем как большинство сословия ученых, всегда держащееся рутины, как большинство всякого сословия, продолжает работать по-прежнему, фантастическому способу ненатурального дробления человека на разные половины, происходящие из разных натур... Пренебрежение к антропологическому принципу отнимает у них всякое достоинство; исключением служат творения очень немногих прежних мыслителей, следовавших антропологическому принципу, хотя еще и не употреблявших этого термина для характеристики своих воззрений на человека: таковы, например, Аристотель и Спиноза.

Что касается до самого состава слова "антропология", оно взято от слова anthropos -- человек, - читатель, конечно, и без нас это знает. Антропология - это такая наука, которая о какой бы части жизненного человеческого процесса ни говорила, всегда помнит, что весь этот процесс и каждая часть его происходит в человеческом организме, что этот организм служит материалом, производящим рассматриваемые ею феномены, что качества феноменов обуславливаются свойствами материала, а законы, по которым возникают феномены, есть только особенные частные случаи действия законов природы. Естественные науки еще не дошли до того, чтобы подвести все эти законы под один общий закон, соединить все частные формулы в одну всеобъемлющую

формулу. Что делать! Нам говорят, что и сама математика еще не успела довести некоторых своих частей до такого совершенства: мы слышали, что еще не отыскана общая формула интегрирования, как найдена общая формула умножения или возвышения в степень. От этого, конечно, затрудняются ученые исследования; мы слышали, будто бы математик очень быстро совершает все части своего дела, но как дойдет до интегрирования, ему приходится сидеть целые недели и месяцы над делом, которое можно было бы исполнить в два часа, если бы уже найдена была общая формула интегрирования.

Так еще больше в <естественных> науках. До сих пор найдены только частные законы для отдельных разрядов явлений: закон тяготения, закон химического сродства, закон разложения и смешения цветов, закон действий теплоты, электричества; под один закон мы еще не умеем их подвести точным образом, хотя существуют очень сильные основания думать, что все другие законы составляют несколько особенные видоизменения закона тяготения. От этого нашего неумения подвести все частные законы под один общий закон чрезвычайно затрудняется и затягивается всякое исследование в естественных науках: исследователь идет ощупью, наугад, у него нет компаса, он принужден руководиться не столь верными способами к отысканию настоящего пути, теряет много времени в напрасных уклонениях по окольным дорогам на то, чтобы вернуться с них к своей исходной точке, когда видит, что они не ведут

ни к чему, и чтобы снова отыскивать новый путь; еще больше теряется времени в том, чтобы убедить других в действительной непригодности путей, оказавшихся непригодными, в верности и удобстве пути, оказавшегося верным.

Так в естественных науках, точно так же и в нравственных. Но как в естественных, так и в нравственных <науках> этими затруднениями только затягивается отыскание истины и распространение убежденности в ней, когда она найдена; а когда найдена она, то все-таки очевидна ее достоверность, только приобретение этой достоверности стоило гораздо большего труда, чем будут стоить такие же открытия нашим потомкам при лучшем развитии наук, и как бы медленно ни распространялась между людьми убежденность в истинах от нынешней малой подготовленности людей любить истину, то есть ценить пользу ее и сознавать неприменную вредность всякой лжи, истина все-таки распространяется между людьми, потому что, как ни думай они о ней, как ни бойся они ее, как ни люби они ложь, все-таки истина соответствует их надобностям, а ложь оказывается неудовлетворительной: что нужно для людей, то будет принято людьми, как бы ни ошибались они от принятия того, что налагается на них необходимостью вещей. Станут ли когда-нибудь хорошими хозяевами русские сельские хозяева, до сих пор бывшие плохими хозяевами? Разумеется, станут; эта уверенность основана не на каких-нибудь трансцендентальных гипотезах о качествах русского человека, не на высоком понятии о его национальных качествах, о его превосходстве над другими по уму или трудолюбию или ловкости, а просто на том, что настает надобность русским сельским хозяевам вести свои дела умнее и расчетливее прежнего. От надобности не уйдешь, не отвертишься. Так не уйдет человек и от истины, потому что по нынешнему положению человеческих дел оказывается с каждым годом все сильнейшая и неотступнейшая надобность в ней».

В фэйсбуке: <https://www.facebook.com/photo.php?fbid=1584003138353244>

ЭСТЕТИКА. Ч.1.

«Прекрасное есть жизнь»

Н. Г. Чернышевский

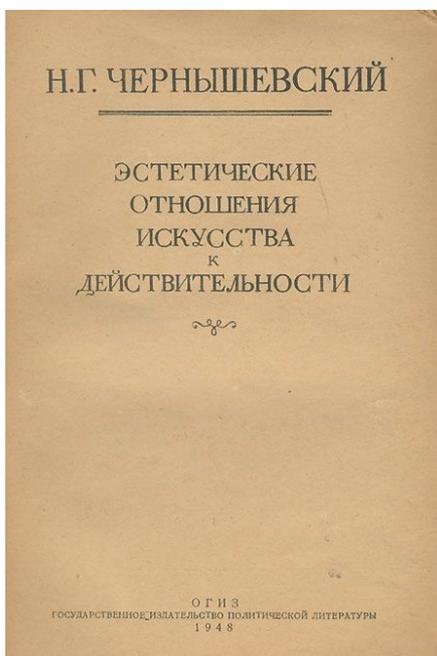
Первая философская работа Н. Г. Чернышевского – это магистерская диссертация «Эстетические отношения искусства к действительности» (1853). В этой работе Чернышевский подверг критике идеалистическую теорию «искусства ради искусства», выступив сторонником того, что действительность выше искусства и необходимо стремиться к реалистическому изображению жизни. В диссертации Чернышевский выводит свою знаменитую формулу: «Прекрасное есть жизнь». Ее смысл он излагает следующим образом: «Из определения „прекрасное есть жизнь“ будет следовать, что истинная, величайшая красота есть именно красота, встречаемая человеком в мире действительности, а не красота, создаваемая искусством». Проходившая 10 мая 1855 г. защита диссертации стала большим общественным событием, а сама работа была воспринята как революционное выступление. Министр просвещения А. С. Норов помешал присуждению учёной степени, и лишь в 1858 году, когда Норова на посту министра сменил Е. П. Ковалевский, последний утвердил Чернышевского в степени магистра русской словесности. Краткий обзор магистерской диссертации Чернышевского представлен в работе В. В. Зеньковского «История русской философии». Приводим выдержки оттуда:

«Влад. Соловьев, написавший небольшую, но очень ценную статью об эстетике Чернышевского, назвал диссертацию Чернышевского «первым шагом к положительной эстетике». Сам же Чернышевский, в предисловии к предположенному 3-му изданию своей диссертации, писал, что свою заслугу он видел лишь в том, что «ему удалось передать на русском языке некоторые идеи Фейербаха», – хотя у Фейербаха нет почти ничего, относящегося к вопросам эстетики. Выходит, что сам Чернышевский недостаточно ясно сознавал принципиальную ценность его эстетических воззрений. Действительно, в том же предисловии Чернышевский пишет, что он «и тогда» (то есть когда писал свою диссертацию) «считал не особенно важным» именно эстетические идеи свои, а центр тяжести перелagal в «мысли более широкого объема», которые «все... принадлежали Фейербаху».

Чтобы разобраться во всем этом, необходимо уяснить центральную мысль в диссертации Чернышевского, – она заключается в отвержении идеалистической эстетики (которая усматривает высшую ценность в художественной идее) и в признании, что конкретная действительность выше искусства. Именно этот последний тезис и был так высоко превознесен Соловьевым, который тоже борется против идеалистической эстетики и защищает реальный смысл, реальную значимость красоты. Превознося действительность в противовес идеализму, который видит ценность не в конкретном бытии, а лишь в той идее, которая в этом бытии выражена, Чернышевский в этом устремлении к живой реальности, конечно, был близок к Фейербаху, – но и только.

Гораздо вернее было бы проводить параллель между взглядами Чернышевского на подчиненное значение искусства с тем возвратом к «естеству», который так остро выразил в свое время Руссо. Искусство – искусственно, действительность же и есть источник красоты и правды; в одном месте Чернышевский очень ядовито говорит о «принципе подстриженных садов», – противопоставляя этим «подстриженным садам» природу в ее свободе и естестве. Чернышевский не против мечты, а против эстетического сентиментализма; поскольку мечта и даже фантастические построения

имеют место в реальной жизни, они обладают истинной ценностью, как живая часть реальности. Но поскольку мы культивируем мечты и их противопоставляем действительности, поскольку мы уходим в искусственный выдуманный мир, то есть уходим от действительности, постольку мы теряем связь с красотой. Это все есть перенесение мотивов руссоизма в понимание отношений искусства к действительности, – и от Фейербаха здесь так мало, что надо удивляться, что сам Чернышевский возводил к Фейербаху свои «мысли более широкого объема».

Еще менее оснований имеют Плеханов или Стеклов, когда они усматривают в эстетике Чернышевского либо раскрытие принципов материализма (исторического), либо торжество «антропологического принципа». Конечно, Чернышевский, когда писал свою диссертацию, был уже поклонником Фейербаха и, несомненно, уже склонялся к материализму, но сама по себе его диссертация – и по своей теме, и по ее внутренней диалектике – очень мало отразила все это. Она была новым и очень глубоким развитием того эстетического гуманизма, о котором нам не раз приходилось говорить в предыдущих главах, – только у Чернышевского этот эстетический гуманизм резко порывает с философским идеализмом и связывает себя с философским реализмом. Котляревский удачно говорит, что «новая эстетика была создана в восхваление... человека... который признается самым художественным созданием природы». Да, это верно, –

и в гуманизме Чернышевского, и в его религиозно-бережном отношении к «естеству» человека, бесспорно, отразилось влияние Фейербаха. Но то, что выразил Чернышевский в своей диссертации, шире и глубже того религиозного культа человека, который был у Фейербаха.

Вл. Соловьев был прав в своей высокой оценке диссертации Чернышевского, хотя его философская позиция так далека от взглядов Чернышевского: эстетика Чернышевского, защищая реальность красоты или – точнее говоря – возвышая красоту реальности над красотой в искусстве, – открывает новые перспективы для философской эстетики. Эстетический гуманизм Чернышевского включил в себя те веяния религиозного имманентизма, которые дали богатые и яркие отражения в эстетических исканиях русских художников и мыслителей уже в XX веке, но эстетический гуманизм Чернышевского другими своими сторонами приближается к Достоевскому и к Соловьеву.

В эпоху Чернышевского раздавались речи о «разрушении эстетики», но Чернышевский вовсе не был разрушителем эстетики. Неправильно тоже думать, как это, например, находим у Массарика, что для Чернышевского «эстетика стала вспомогательной наукой для этики». Не наоборот ли? Гимн действительности, воспевание «естества» определяет эстетику Чернышевского, а сама этика, в свою очередь, определяется тем, в чем видит Чернышевский подлинную и существенную красоту».

В фейсбуке: <https://www.facebook.com/photo.php?fbid=1585086301578261>

ЭСТЕТИКА. Ч.2.

«Прекрасно то существо, в котором видим мы жизнь такую, какова должна быть она по нашим понятиям; прекрасен тот предмет, который выказывает в себе жизнь или напоминает нам о жизни»

Н. Г. Чернышевский

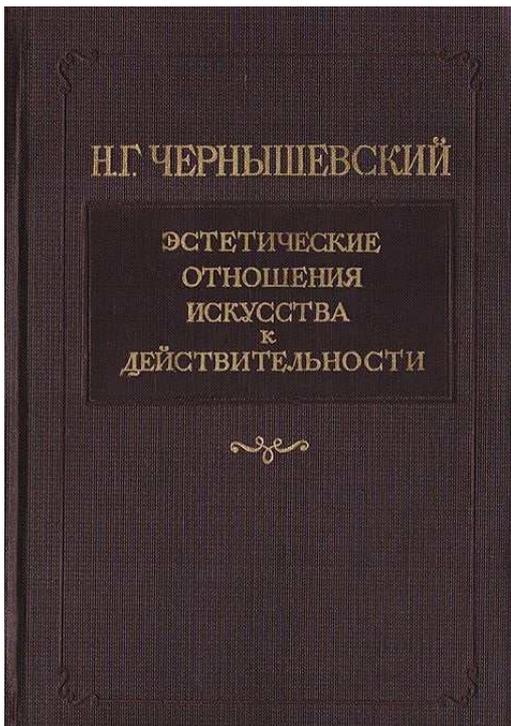
Свою магистерскую диссертацию «Эстетические отношения искусства к действительности» (1853) Н. Г. Чернышевский начинает с критики эстетики Гегеля, отталкиваясь от которой он приходит к основным положениям собственной эстетики. По мнению Чернышевского, эстетика Гегеля может быть сведена к двум формулам: прекрасное как «единство идеи и образа» и как «полное проявление идеи в отдельном предмете». Обе формулировки кажутся ему неудовлетворительными, и он предлагает свою знаменитую формулировку: «прекрасное есть жизнь». Обратимся к рассуждениям Чернышевского:

«"Прекрасно то существо, в котором вполне выражается идея этого существа" - в переводе на простой язык будет значить: "прекрасно то, что превосходно в своем роде; то, лучше чего нельзя себе вообразить в этом роде". Совершенно справедливо, что предмет должен быть превосходен в своем роде для того, чтобы называться прекрасным. Так, например, лес может быть прекрасен, но только "хороший" лес, высокий, прямой, густой, одним словом, превосходный лес; коряжник, жалкий, низенький, редкий лес не может быть прекрасен. Роза прекрасна; но только "хорошая", свежая, неоципанная роза. Одним словом, все прекрасное превосходно в своем роде. Но не все превосходное в своем роде прекрасно; крот может быть превосходным экземпляром породы кротов, но никогда не покажется он "прекрасным"; точно то же надобно сказать о большей части амфибий, многих породах рыб, даже многих птицах: чем лучше для естествоиспытателя животное такой породы, т. е. чем полнее выражается в нем его идея, тем оно некрасивее с эстетической точки зрения. Чем лучше в своем роде болото, тем хуже оно в эстетическом отношении. Не все превосходное в своем роде прекрасно; потому, что не все роды предметов прекрасны. Определение [Гегеля] прекрасного, как полного соответствия отдельного предмета с его идеею, слишком широко. Оно высказывает только, что в тех разрядах предметов и явлений, которые могут достигать красоты, прекрасными кажутся лучшие предметы и явления; но не объясняет, почему самые разряды предметов и явлений разделяются на такие, в которых является красота, и другие, в которых мы не замечаем ничего прекрасного.

Но с тем вместе оно и слишком тесно. "Прекрасным кажется то, что кажется полным осуществлением родовой идеи", значит также: "надобно, чтобы в прекрасном существе было все, что только может быть хорошего в существах этого рода; надобно, чтобы нельзя было найти ничего хорошего в других существах того же рода, чего не было бы в прекрасном предмете". Этого мы в самом деле и требуем от прекрасных явлений и предметов в тех царствах природы, где нет разнообразия типов одного и того же рода предметов. Так, например, у дуба может быть один только характер красоты: он должен быть высок и густ; эти качества всегда находятся в прекрасном дубе, и ничего другого хорошего не найдется в других дубах. Но уже в животных является разнообразие типов одной породы, как скоро делаются они домашними.

Еще более такого разнообразия типов красоты в человеке, и мы даже никак не можем представить себе, чтобы все оттенки человеческой красоты совмещались в одном человеке.

Выражение: "прекрасным называется полное проявление идеи в отдельном предмете" - вовсе не определение прекрасного. Но в нем есть справедливая сторона - то, что "прекрасное" есть отдельный живой предмет, а не отвлеченная мысль; есть и другой справедливый намек на свойство истинно художественных произведений искусства: они всегда имеют содержанием своим что-нибудь интересное вообще для человека, а не для одного художника (намек этот заключается в том, что идея - "нечто общее, действующее всегда и везде"); отчего происходит это, увидим на своем месте.

Совершенно другой смысл имеет другое выражение, которое выставляют за тождественное с первым: "прекрасное есть единство идеи и образа, полное слияние идеи с образом"; это выражение говорит о действительно существенном признаке - только не идеи прекрасного вообще, а того, что называется "мастерским произведением", или художественным произведением искусства: прекрасно будет произведение искусства действительно только тогда, когда художник передал в произведении своем все то, что хотел передать. Конечно, портрет хорош только тогда, когда живописец сумел нарисовать совершенно того человека, которого хотел нарисовать. Но "прекрасно нарисовать лицо" и "нарисовать прекрасное лицо" - две совершенно различные вещи. Об этом качестве художественного произведения придется говорить при определении сущности искусства. Здесь же считаю не излишним

заметить, что в определении красоты как единства идеи и образа, - в этом определении, имеющем в виду не прекрасное живой природы, а прекрасные произведения искусств, уже скрывается зародыш или результат того направления, по которому эстетика обыкновенно отдает предпочтение прекрасному в искусстве перед прекрасным в живой действительности.

Что же такое в сущности прекрасное, если нельзя определить его как "единство идеи и образа" или как "полное проявление идеи в отдельном предмете"?

Новое строится не так легко, как разрушается старое, и защищать не так легко, как нападать; потому очень может быть, что мнение о сущности прекрасного, кажущееся мне справедливым, не для всех покажется удовлетворительным; но если эстетические понятия, выводимые из господствующих ныне воззрений на отношения человеческой мысли к живой действительности, еще остались в моем изложении неполны, односторонни или шатки, то это, я надеюсь, недостатки не самых понятий, а только моего изложения.

Ощущение, производимое в человеке прекрасным, - светлая радость, похожая на ту, какую наполняет нас присутствие милого для нас существа {Я говорю о том, что прекрасно по своей сущности, а не по тому только, что прекрасно изображено

искусством; о прекрасных предметах и явлениях, а не о прекрасном их изображении в произведениях искусства: художественное произведение, пробуждая эстетическое наслаждение своими художественными достоинствами, может возбуждать тоску, даже отвращение сущностью изображаемого.}. Мы бескорыстно любим прекрасное, мы любимся, радуемся на него, как радуемся на милого нам человека. Из этого следует, что в прекрасном есть что-то милое, дорогое нашему сердцу. Но это "что-то" должно быть нечто чрезвычайно многообъемлющее, нечто способное принимать самые разнообразные формы, нечто чрезвычайно общее; потому что прекрасными кажутся нам предметы чрезвычайно разнообразные, существа, совершенно не похожие друг на друга.

Самое общее из того, что мило человеку, и самое милое ему на свете - жизнь; ближайшим образом такая жизнь, какую хотелось бы ему вести, какую любит он; потом и всякая жизнь, потому что все-таки лучше жить, чем не жить: все живое уже по самой природе своей ужасается гибели, небытия и любит жизнь. И кажется, что определение: "Прекрасное есть жизнь"; "прекрасно то существо, в котором видим мы жизнь такую, какова должна быть она по нашим понятиям; прекрасен тот предмет, который выказывает в себе жизнь или напоминает нам о жизни", - кажется, что это определение удовлетворительно объясняет все случаи, возбуждающие в нас чувство прекрасного».

В фейсбуке: <https://www.facebook.com/photo.php?fbid=1585958941490997>

ЭСТЕТИКА. Ч.3.

«Истинная, высочайшая красота есть именно красота, встречаемая человеком в мире действительности, а не красота, создаваемая искусством»

Н. Г. Чернышевский

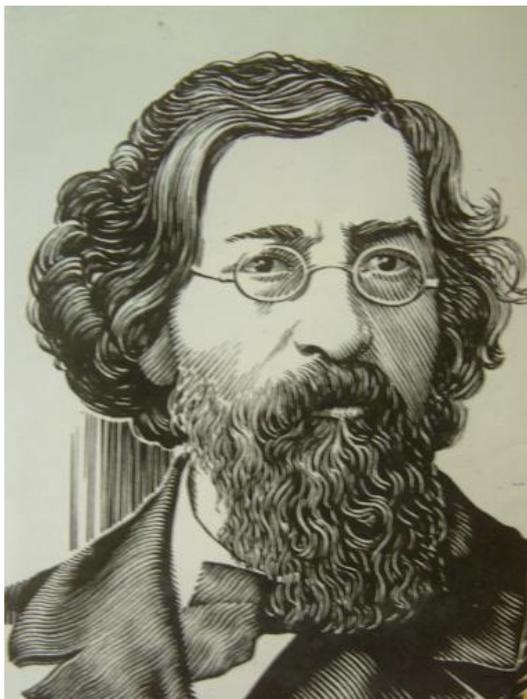
Высказав в своей магистерской диссертации «Эстетические отношения искусства к действительности» (1853) тезис о том, что прекрасное есть жизнь, Н. Г. Чернышевский переходит к его обоснованию. Он начинает с разбора бытовых примеров. Так, по его мнению, человеческое тело и лицо производят на нас впечатление прекрасного тогда, когда мы видим в них проявление жизни, как понимаем ее. Безобразие же вызывается оскудением жизни. Кроме того, человек склонен видеть прекрасное в животном царстве в тех случаях, когда животная жизнь напоминает ему о человеческой жизни; и то же касается природных явлений. Обратимся к рассуждениям Чернышевского:

«"Хорошая жизнь", "жизнь, как она должна быть", у простого народа состоит в том, чтобы сытно есть, жить в хорошей избе, спать вдоволь; но вместе с этим у поселанина в понятии "жизнь" всегда заключается понятие о работе: жить без работы нельзя; да и скучно было бы. Следствием жизни в довольстве при большой работе, не доходящей, однако, до изнурения сил, у молодого поселанина или сельской девушки будет чрезвычайно свежий цвет лица и румянец во всю щеку - первое условие красоты по простонародным понятиям. Работая много, поэтому будучи крепка сложением, сельская девушка при сытной пище будет довольно плотна, - это также необходимое условие красавицы сельской; светская "полувоздушная" красавица кажется поселанину решительно "невзрачною", даже производит на него неприятное впечатление, потому что он привык считать "худобу" следствием болезненности или "горькой доли". Но работа не даст разжиреть: если сельская девушка толста, это род болезненности, знак "рыхлого" сложения, и народ считает большую полноту недостатком; у сельской красавицы не может быть маленьких ручек и ножек, потому что она много работает, - об этих принадлежностях красоты и не упоминается в наших песнях. Одним словом, в описаниях красавицы в народных песнях не найдется ни одного признака красоты, который не был бы выражением цветущего здоровья и равновесия сил в организме, всегдашнего следствия жизни в довольстве при постоянной и нешуточной, но не чрезмерной работе.

Совершенно другое дело светская красавица: уже несколько поколений предки ее жили, не работая руками; при бездейственном образе жизни крови льется в оконечности мало; с каждым новым поколением мускулы рук и ног слабеют, кости делаются тоньше; необходимым следствием всего этого должны быть маленькие ручки и ножки - они признак такой жизни, которая одна и кажется жизнью для высших классов общества, - жизни без физической работы; если у светской женщины большие руки и ноги, это признак или того, что она дурно сложена, или того, что она не из старинной хорошей фамилии. По этому же самому у светской красавицы должны быть маленькие ушки. Мигрень, как известно, интересная болезнь - и не без причины: от бездействия кровь остается вся в средних органах, приливает к мозгу; нервная система и без того уже раздражительна от всеобщего ослабления в организме; неизбежное следствие всего этого - продолжительные головные боли и разного рода нервные расстройства; что делать? и болезнь интересна, чуть не завидна, когда она следствие того образа жизни, который нам нравится. Здоровье, правда, никогда не может потерять своей цены в

глазах человека, потому что и в довольстве и в роскоши плохо жить без здоровья - вследствие того румянец на щеках и цветущая здоровьем свежесть продолжают быть привлекательными и для светских людей; не болезненность, слабость, вялость, томность также имеют в глазах их достоинство красоты, как скоро кажутся следствием роскошно-бездейственного образа жизни. Бледность, томность, болезненность имеют еще другое значение для светских людей: если поселянин ищет отдыха, спокойствия, то люди образованного общества, у которых материальной нужды и физической усталости не бывает, но которым зато часто бывает скучно от безделья и отсутствия материальных забот, ищут "сильных ощущений, волнений, страстей", которыми придает цвет, разнообразие, увлекательность светской жизни, без того монотонной и бесцветной. А от сильных ощущений, от пылких страстей человек скоро изнашивается: как же не очароваться томностью, бледностью красавицы, если томность и бледность ее служат признаком, что она "много жила"? ...

Я пересмотрел, сколько позволяло место, главные принадлежности человеческой красоты, и мне кажется, что все они производят на нас впечатление прекрасного потому, что в них мы видим проявление жизни, как понимаем ее. Теперь надобно посмотреть противоположную сторону предмета, рассмотреть, отчего человек бывает некрасив.

Причину некрасивости общей фигуры человека всякий укажет в том, что человек, имеющий дурную фигуру, - "дурно сложен". Мы очень хорошо знаем, что уродливость - следствие болезни или пагубных случаев, от которых особенно легко уродуется человек в первое время развития. Если жизнь и ее проявления - красота, очень естественно, что болезнь и ее следствия - безобразие. Но человек дурно сложенный - также урод, только в меньшей степени, и причины "дурного сложения" те же самые, которые производят уродливость, только слабее их. Если человек рождается горбатым - это следствие несчастных обстоятельств, при которых совершалось первое его развитие; но сутуловатость - та же горбатость, только в меньшей степени, и должна происходить от тех же самых причин. Вообще, худо сложенный человек - до некоторой степени искаженный человек; его фигура говорит нам не о жизни, не о

счастливом развитии, а о тяжелых сторонах развития, о неблагоприятных обстоятельствах. От общего очерка фигуры переходим к лицу. Черты его бывают нехороши или сами по себе, или по своему выражению. В лице не нравится нам "злое", "неприятное" выражение потому, что злость - яд, отравляющий нашу жизнь. Но гораздо чаще лицо "некрасиво" не по выражению, а по самым чертам: черты лица некрасивы бывают в том случае, когда лицевые кости дурно организованы, когда хрящи и мускулы в своем развитии более или менее носят отпечаток уродливости, т. е. когда первое развитие человека совершалось в неблагоприятных обстоятельствах...

Проводить в подробности по различным царствам природы мысль, что прекрасное есть жизнь, и ближайшим образом, жизнь напоминающая о человеке и о человеческой жизни, я считаю излишним потому, что [и Гегель, и Фишер постоянно

говорят о том], что красоту в природе составляет то, что напоминает человека (или, выражаясь [гегелевским термином], предвозвещает личность, что прекрасное в природе имеет значение прекрасного только как намек на человека [великая мысль, глубокая! О, как хороша была бы гегелевская эстетика, если бы эта мысль, прекрасно развитая в ней, была поставлена основной мыслью, вместо фантастического отыскивания полноты проявляемой идеи!]. Потому, показав, что прекрасное в человеке - жизнь, не нужно и доказывать, что прекрасное во всех остальных областях действительности, которое становится в глазах человека прекрасным только потому, что служит намеком на прекрасное в человеке и его жизни, также есть жизнь.

Но нельзя не прибавить, что вообще на природу смотрит человек глазами владельца, и на земле прекрасным кажется ему также то, с чем связано счастье, довольство человеческой жизни. Солнце и дневной свет очаровательно прекрасны, между прочим, потому, что в них источник всей жизни в природе, и потому, что дневной свет благотворно действует прямо на жизненные отправления человека, возвышая в нем органическую деятельность, а через это благотворно действует даже на расположение нашего духа».

В фейсбуке: <https://www.facebook.com/photo.php?fbid=1585958941490997>

ЭСТЕТИКА. Ч.4.

«Определяя прекрасное как полное проявление идеи в отдельном существе, мы необходимо приходим к выводу: "прекрасное в действительности только призрак, влагаемый в нее нашей фантазией"»

Н. Г. Чернышевский

Продолжаем рассматривать магистерскую диссертацию Н. Г. Чернышевского «Эстетические отношения искусства к действительности» (1853). Представив базовое определение прекрасного, Чернышевский сравнивает свой подход с теориями немецких идеалистов, особенно подробно останавливаясь при этом на Гегеле. По его мнению, слабое место подхода Гегеля состоит в том, что в его системе прекрасное субъективно и неонтологично, то есть призрачно; оно создается фантазией человека, а не существует в природе. То же касается категории «возвышенного», которая анализируется Чернышевским вслед за категорией «прекрасного». Обратимся к его рассуждениям:

«Определяя прекрасное как полное проявление идеи в отдельном существе, мы необходимо приходим к выводу: "прекрасное в действительности только призрак, влагаемый в нее нашей фантазией"; из этого будет следовать, что "собственно говоря, прекрасное создается нашей фантазией, а в действительности (или, [по Гегелю]: в природе) истинно прекрасного нет"; из того, что в природе нет истинно прекрасного, будет следовать, что "искусство имеет своим источником стремление человека восполнить недостатки прекрасного в объективной действительности" и что "прекрасное, создаваемое искусством, выше прекрасного в объективной действительности", - все эти мысли составляют сущность [гегелевской эстетики и являются в ней] не случайно, а по строгому логическому развитию основного понятия о прекрасном.

Напротив того, из определения "прекрасное есть жизнь" будет следовать, что истинная, высочайшая красота есть именно красота, встречаемая человеком в мире действительности, а не красота, создаваемая искусством; происхождение искусства должно быть при таком воззрении на красоту в действительности объяснено из совершенно другого источника; после того и существенное значение искусства явится совершенно в другом свете.

Итак, должно сказать, что новое понятие о сущности прекрасного, будучи выводом из таких общих воззрений на отношения действительного мира к воображаемому, которые совершенно различны от господствовавших прежде в науке, приводя к эстетической системе, также существенно различающейся от систем, господствовавших в последнее время, и само существенно различно от прежних понятий о сущности прекрасного. Но с тем вместе оно представляется как их необходимое дальнейшее развитие. Существенное различие между господствующей и предлагаемой эстетическими системами будем видеть постоянно; чтобы указать на точку тесного родства между ними, скажем, что новое воззрение объясняет важнейшие эстетические факты, которые выставлялись на вид в прежней системе. Так, например, из определения "прекрасное есть жизнь" становится понятно, почему в области прекрасного нет отвлеченных мыслей, а есть только индивидуальные существа - жизнь мы видим только в действительных, живых существах, а отвлеченные, общие мысли не входят в область жизни...

О том, что "возвышенность" - следствие превосходства над окружающим, говорится у Канта и вслед за ним у позднейших эстетиков [у Гегеля, у Фишера]: "Мы сравниваем, - говорят они, - возвышенное в пространстве, с окружающими его предметами; для этого на возвышенном предмете должны быть легкие подразделения, дающие возможность, сравнивая, считать, во сколько раз он больше окружающих его предметов, во сколько раз, напр., гора больше дерева, растущего на ней. Счет так длинен, что, не дошедши до конца, мы уже теряемся в нем; окончив его, должны опять начинать, потому что не могли сосчитать, и считаем опять безуспешно. Таким образом, нам кажется, наконец, что гора неизмеримо велика, бесконечно велика". - "Сравнение с окружающими предметами необходимо для того, чтобы предмет казался возвышенным", - мысль очень близкая к принимаемому нами воззрению на основной признак возвышенного. Но обыкновенно она прилагается только к возвышенному в пространстве, между тем как ее должно одинаково проводить по всем родам возвышенного. Обыкновенно говорят: "возвышенное состоит в превозможении идеи над формой, и это превозможение на низших степенях возвышенного узнается сравнением предмета по величине с окружающими предметами"; нам кажется, что должно говорить: "превосходство великого (или возвышенного) над мелким и дюжинным состоит в гораздо большей величине (возвышенное в пространстве или во времени) или в гораздо большей силе (возвышенное сил природы и возвышенное в человеке)". Из второстепенного и частного признака возвышенности сравнение и превосходство по величине должно быть возведено в главную и общую мысль при определении возвышенного.

Таким образом, принимаемое нами понятие возвышенного точно так же относится к обыкновенному определению его, как наше понятие о сущности прекрасного к прежнему взгляду, - в обоих случаях возводится на степень общего и существенного начала то, что прежде считалось частным и второстепенным признаком, было закрываемо от внимания другими понятиями, которые мы отбрасываем как побочные.

Вследствие изменения точки зрения и возвышенное, подобно прекрасному, представляется нам как явление более самостоятельное и, однако же, более близкое человеку, нежели представлялось. С тем вместе наше воззрение на сущность возвышенного признает его фактическую реальность, между тем как обыкновенно полагают, будто бы возвышенное в действительности только кажется возвышенным от вмешательства нашей фантазии, расширяющей до безграничности объем или силу возвышенного предмета или явления. И действительно, если возвышенное существенно есть бесконечное, то возвышенного нет в мире, доступном нашим чувствам и нашему уму.

Но если по определениям прекрасного и возвышенного, нами принимаемым, прекрасному и возвышенному придается независимость от фантазии, то, с другой стороны, этими определениями выставляется на первый план отношение к человеку вообще и к его понятиям тех предметов и явлений, которые находит человек прекрасными и возвышенными: прекрасное то, в чем мы видим жизнь так, как мы понимаем и желаем ее, как она радует нас; великое то, что гораздо выше предметов, с которыми сравниваем его мы. Из обыкновенных [гегелевских] определений, напротив, по

странному противоречию, следует: прекрасное и великое вносятся в действительность человеческим взглядом на вещи, создаются человеком, но не имеют никакой связи с понятиями человека, с его взглядом на вещи. Ясно также, что определениями прекрасного, возвышенного, которые кажутся нам справедливыми, разрушается непосредственная связь этих понятий, подчиняемых одно другому определениями: "прекрасное есть равновесие идеи и образа", "возвышенное есть перевес идеи над образом". В самом деле, принимая определение "прекрасное есть жизнь", "возвышенное есть то, что гораздо больше всего близкого или подобного", мы должны будем сказать, что прекрасное и возвышенное - совершенно различные понятия, не подчиненные друг другу и соподчиненные только одному общему понятию, очень далекому от так называемых эстетических понятий: "интересное"».

В фейсбуке: <https://www.facebook.com/photo.php?fbid=1590128174407407>

ЭСТЕТИКА. Ч.5.

«Природа бесстрастна к человеку; она не враг и не друг ему: она - то удобное, то неудобное поприще для его деятельности»

Н. Г. Чернышевский

В магистерской диссертации «Эстетические отношения искусства к действительности» (1853) Н. Г. Чернышевский подробно разбирает эстетическое понятие «трагического». Он критикует немецкую философию за тезис о том, что трагическое тесно сопряжено с представлением о судьбе: оно выражается в столкновении человека с судьбой, во вмешательстве судьбы. Чернышевский возражает против этого, предлагая свое определение трагического, связанное с его более общим принципом объективности и жизненности эстетики. Согласно этому определению, трагическое есть «ужасное в человеческой жизни». Обратимся к рассуждениям Чернышевского:

«Понятие трагического в немецкой эстетике соединяется с понятием судьбы, так что трагическая участь человека представляется обыкновенно как "столкновение человека с судьбою", как следствие "вмешательства судьбы". Понятие судьбы обыкновенно искажается в новых европейских книгах, старающихся объяснить его нашими научными понятиями, даже связать с ними, потому необходимо представить его во всей чистоте и нагоде. Оно через это избавится от несообразного смешения с понятиями науки, в сущности ему противоречащими, и выкажет всю свою неосновательность, которая прячется при новейших переделках его на наши нравы. Живое и неподдельное понятие о судьбе было у старинных греков (т. е. у греков до появления у них философии) и до сих пор живет у многих восточных народов; оно господствует в рассказах Геродота, в греческих мифах, в индийских поэмах, сказках "Тысячи и одной ночи" и проч. Что касается позднейших превращений этого основного воззрения под влиянием понятий о мире, доставленных наукою, эти видоизменения мы считаем лишним исчислять и еще менее находим нужды подвергать их особенной критике, потому что все они, подобно понятию новейших эстетиков о трагическом, представляясь следствием стремления согласить непримиримое - фантастические представления полудикого и научные понятия, - страждут такою же несостоятельностью, как и понятие новейших эстетиков о трагическом: различие только то, что натянутость соединения противоположных начал в предшествующих попытках сближения была очевиднее, нежели в понятии о трагическом, которое составлено с чрезвычайным диалектическим глубокомыслием. Поэтому не считаем за нужное излагать все эти искаженные понятия о судьбе, считая достаточным показать, как угловато виднеется первоначальная основа даже из-под последней и искуснейшей диалектической одежды, которую облеклась она в господствующем ныне эстетическом воззрении на трагическое...

Неужели в самом деле природа оскорбляется? неужели в самом деле природа мстит? Нет; она продолжает вечно действовать по своим законам, она не знает о человеке и его делах, о его счастье и его гибели; ее законы могут иметь и часто имеют пагубное для человека и его дел действие; но на них же опирается всякое человеческое действие. Природа бесстрастна к человеку; она не враг и не друг ему: она - то удобное, то неудобное поприще для его деятельности. В том нет сомнения, что всякое важное дело человека требует сильной борьбы с природою или с другими людьми; но почему это так? Потому только, что, как бы ни было само по себе важно дело, мы привыкли не считать его важным, если оно совершается без сильной борьбы. Так, дыхание важнее

всего в жизни человека; но мы не обращаем и внимания на него, потому что ему обыкновенно не противостоят никакие препятствия; для дикаря, питающегося даром ему достаемыми плодами хлебного дерева, и для европейца, которому хлеб достается только через тяжелую работу земледелия, пища одинаково важна; но собирание плодов хлебного дерева - "не важное" дело, потому что оно легко; "важно" земледелие, потому что оно тяжело.

Итак, не все важные по существенному значению своему дела требуют борьбы; но мы привыкли называть важными только те из важных в сущности дел, которые трудны. Много есть драгоценных вещей, которые не имеют никакой цены, потому что достаются даром, напр., вода и солнечный свет; и много есть очень важных дел, которым не придается никакой важности потому только, что они делаются легко. Но согласимся с обыкновенного фразеологиею; пусть важны будут только те дела, которые требуют тяжелой борьбы. Неужели эта борьба всегда трагична? Совсем нет; иногда трагична, иногда не трагична, как случится. Мореходец борется с морем, бурями, подводными скалами; тяжело его поприще; но разве необходимо этому поприщу быть трагичным? На один корабль, который будет разбит бурей о подводные скалы, приходится сотня кораблей, которые невредимыми достигают гавани. Пусть всегда нужна борьба; но не всегда борьба бывает несчастна. А счастливая борьба, как бы ни была она тяжела, - не страдание, а наслаждение, не трагична, а только драматична. И не правда ли, что если приняты все нужные предосторожности, то почти всегда дело кончается счастливо? Где же необходимость трагического в природе? Трагическое в борьбе с природою - случайность. Этим одним разрушается теория, видящая в нем "закон вселенной".

"Но общество? но другие люди? разве не должен выдержать с ними тяжелую борьбу всякий великий человек?" Опять надобно сказать, что не всегда сопряжены с тяжелою борьбою великие события в истории, но что мы, по злоупотреблению языка, привыкли называть великими событиями только те, которые были сопряжены с тяжелою борьбою. Крещение франков было великим событием; но где же при нем тяжелая борьба? Не было тяжелой борьбы и при крещении русских. Трагична ли судьба великих людей? Иногда трагична, иногда не трагична, как и участь мелких людей; необходимости тут нет никакой. И даже надобно вообще сказать, что участь великих людей обыкновенно бывает легче участи незамечательных людей; впрочем, опять не от особенного расположения судьбы к замечательным или нерасположения к незамечательным людям, а просто потому, что у первых больше сил, ума, энергии, что другие люди больше питают к ним уважения, сочувствия, скорее готовы содействовать им. Если в людях есть склонность завидовать чуждому величию, то еще больше в них склонности уважать величие; общество будет благоговеть перед великим человеком, если нет особенных, случайных причин обществу считать его вредным для себя. Трагична или не трагична судьба великого человека, зависит от обстоятельств; и в истории менее можно встретить великих людей, участь которых была трагична, нежели таких, в жизни которых много было драматизма, но не было трагичности...

Трагическое есть страдание или гибель человека - этого совершенно достаточно, чтобы исполнить нас ужасом и состраданием, хотя бы в этом страдании, в этой гибели и не проявлялась никакая "бесконечно могущественная и неотразимая сила". Случай или необходимость - причина страдания и гибели человека, - все равно, страдание и гибель ужасны. Нам говорят: "чисто случайная гибель - нелепость в трагедии" - в трагедиях, писанных авторами, может быть; в действительной жизни - нет. В поэзии автор считает необходимою обязанностью "выводить развязку из самой завязки"; в жизни развязка часто совершенно случайна, и трагическая участь может быть совершенно случайною, не переставая быть трагическою. Мы согласны, что трагична участь Макбета и леди Макбет, необходимо вытекающая из их положения и дел. Но неужели не трагична участь Густава-Адольфа, который погиб совершенно случайно в битве под Люцеком, на пути торжества и побед?

Определение: Трагическое есть ужасное в человеческой жизни, кажется, будет совершенно полным определением трагического в жизни и в искусстве. Правда, что большая часть произведений искусства дает право прибавить: "ужасное, постигающее человека, более или менее неизбежно"; но, во-первых, сомнительно, до какой степени справедливо поступает искусство, представляя это ужасное почти всегда неизбежным, когда в самой действительности оно бывает большею частью вовсе не неизбежно, а чисто случайно; во-вторых, кажется, что очень часто только по привычке доискиваться во всяком великом произведении искусства "необходимого сцепления обстоятельств", "необходимого развития действия из сущности самого действия" мы находим, с грехом пополам, "необходимость в ходе событий" и там, где ее вовсе нет, например, в большей части трагедий Шекспира».

В фейсбуке: <https://www.facebook.com/photo.php?fbid=1590857571001134>

ЭСТЕТИКА. Ч.6.

«Существенное значение искусства - воспроизведение всего, что интересно для человека в жизни; очень часто, особенно в произведениях поэзии, выступает также на первый план объяснение жизни, приговор о явлениях ее. Искусство относится к жизни совершенно так же, как история; различие по содержанию только в том, что история говорит о жизни человечества, искусство - о жизни человека, история - о жизни общественной, искусство - о жизни индивидуальной»

Н. Г. Чернышевский

В заключительной части магистерской диссертации «Эстетические отношения искусства к действительности» (1853) Н. Г. Чернышевский тезисно излагает выводы из своего исследования. В них емко представлены взгляды автора на проблему прекрасного, возвышенного, трагического, комического, фантастического и на сущность искусства. Обратимся к ним:

«Задачу автора было исследовать вопрос об эстетических отношениях произведений искусства к явлениям жизни, рассмотреть справедливость господствующего мнения, будто бы истинно прекрасное, которое принимается существенным содержанием произведений искусства, не существует в объективной действительности и осуществляется только искусством. С этим вопросом неразрывно связаны вопросы о сущности прекрасного и о содержании искусства. Исследование вопроса о сущности прекрасного привело автора к убеждению, что прекрасное есть - жизнь. После такого решения надобно было исследовать понятия возвышенного и трагического, которые, по обыкновенному определению прекрасного, подходят под него, как моменты, и надобно было признать, что возвышенное и прекрасное - не подчиненные друг другу предметы искусства. Это уже было важным пособием для решения вопроса о содержании искусства. Но если прекрасное есть жизнь, то сам собою решается вопрос об эстетическом отношении прекрасного в искусстве к прекрасному в действительности. Пришедши к выводу, что искусство не может быть обязано своим происхождением недовольству человека прекрасным в действительности, мы должны были отыскивать, вследствие каких потребностей возникает искусство, и исследовать его истинное значение. Вот главнейшие из выводов, к которым привело это исследование:

1) *Определение прекрасного: "прекрасное есть полное проявление общей идеи в индивидуальном явлении" - не выдерживает критики; оно слишком широко, будучи определением формального стремления всякой человеческой деятельности.*

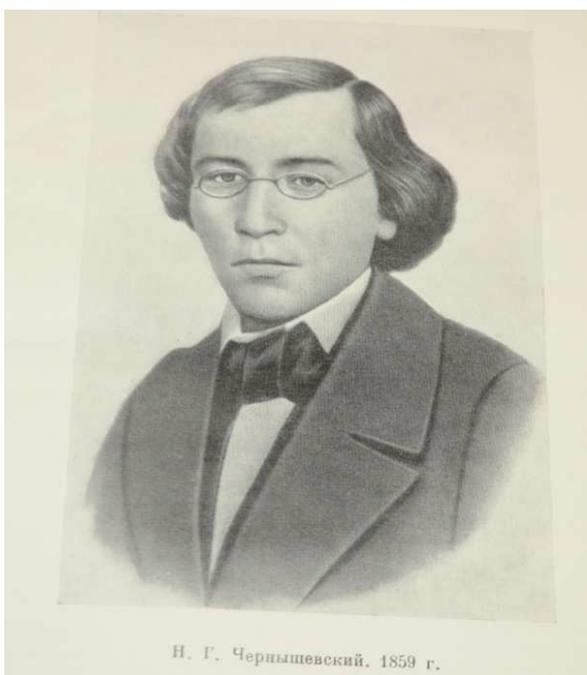
2) *Истинное определение прекрасного таково: "прекрасное есть жизнь"; прекрасным существом кажется человеку то существо, в котором он видит жизнь, как он ее понимает; прекрасный предмет - тот предмет, который напоминает ему о жизни.*

3) *Это объективное прекрасное, или прекрасное по своей сущности, должно отличать от совершенства формы, которое состоит в единстве идеи и формы, или в том, что предмет вполне удовлетворяет своему назначению.*

4) *Возвышенное действует на человека вовсе не тем, что пробуждает идею абсолютного; оно почти никогда не пробуждает ее.*

5) Возвышенным кажется человеку то, что гораздо больше предметов или гораздо сильнее явлений, с которыми сравнивается человеком.

6) Трагическое не имеет существенной связи с идеею судьбы или необходимости. В действительной жизни трагическое большую часть случайно, не вытекает из сущности предшествующих моментов. Форма необходимости, в которую облачается оно искусством, - следствие обыкновенного принципа произведений искусства: "развязка должна вытекать из завязки", или неуместное подчинение поэта понятиям о судьбе.

7) Трагическое по понятиям нового европейского образования есть "ужасное в жизни человека".

8) Возвышенное (и момент его, трагическое) не есть видоизменение прекрасного; идеи возвышенного и прекрасного совершенно различны между собою; между ними нет ни внутренней связи, ни внутренней противоположности.

9) Действительность не только живее, но и совершеннее фантазии. Образы фантазии - только бледная и почти всегда неудачная переделка действительности.

10) Прекрасное в объективной действительности вполне прекрасно.

11) Прекрасное в объективной действительности совершенно удовлетворяет человека.

12) Искусство рождается вовсе не от потребности человека восполнить недостатки прекрасного в действительности.

13) Создания искусства ниже прекрасного в действительности не только потому, что впечатление, производимое действительностью, живее впечатления, производимого созданиями искусства: создания искусства ниже прекрасного (точно так же, как ниже возвышенного, трагического, комического) в действительности и с эстетической точки зрения.

14) Область искусства не ограничивается областью прекрасного в эстетическом смысле слова, прекрасного по живой сущности своей, а не только по совершенству формы: искусство воспроизводит все, что есть интересного для человека в жизни.

15) Совершенство формы (единство идеи и формы) не составляет характеристической черты искусства в эстетическом смысле слова (изящных искусств); прекрасное как единство идеи и образа, или как полное осуществление идеи, есть цель стремления искусства в обширнейшем смысле слова или "уменья", цель всякой практической деятельности человека.

16) Потребность, рождающая искусство в эстетическом смысле слова (изящные искусства), есть та же самая, которая очень ясно выказывается в портретной живописи. Портрет пишется не потому, чтобы черты живого человека не удовлетворяли нас, а для того, чтобы помочь нашему воспоминанию о живом человеке, когда его нет перед нашими глазами, и дать о нем некоторое понятие тем людям, которые не имели случая его видеть. Искусство только напоминает нам своими воспроизведениями о том, что интересно для нас в жизни, и старается до некоторой степени познакомить нас с теми интересными сторонами жизни, которых не имели мы случая испытать или наблюдать в действительности.

17) Воспроизведение жизни - общий, характеристический признак искусства, составляющий сущность его; часто произведения искусства имеют и другое значение - объяснение жизни; часто имеют они и значение приговора о явлениях жизни».

В фейсбуке: <https://www.facebook.com/photo.php?fbid=1591763324243892>

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ. Ч.1.

«Существеннейшая польза, какую может принести у нас обществу отдельный подвижник просвещения, посредством своей публичной деятельности, состоит не только в том, что он непосредственно сообщает знание — такой даровитый народ, как наш, легко приобретает знание, лишь бы захотел — но еще более в том, что он пробуждает любознательность, которая у нас еще недостаточно распространена. В этом смысле, лозунгом у нас должны быть слова поэта: "Ты вставай, во мраке снящий брат!"»

Н. Г. Чернышевский

За десятилетие своей литературной деятельности Чернышевский прошел огромную идейную эволюцию, так что охарактеризовать его социально-политические взгляды в целом непросто. Первый период его творчества (1855–1858) можно определить как «просветительский». В это время Чернышевский верил, что возможно способствовать социальным изменениям через литературу, при этом литература должна выполнять критическую функцию. Задача просветителя, согласно Чернышевскому, состоит в том, чтобы бороться с апатией общества в отношении высших интересов умственной и нравственной жизни. Ранний период его творчества подробно рассмотрен в статье И. К. Пантина «Человек и действительность в философской концепции Н. Г. Чернышевского». Приводим выдержки оттуда:

«Из университета Чернышевский вышел убежденным демократом, революционером, социалистом. Его мысли о судьбе России отличались оптимизмом. Он верил в то, что революционная катастрофа близка. «Неудовольствие народа против правительства, налогов, чиновников, помещиков все растет, — писал он своей невесте О.С. Васильевой. — Нужно только одну искру, чтобы поджечь все это». Однако через некоторое время Чернышевский начинает отдавать себе ясный отчет в страшной отсталости русского крестьянина, его политической неразвитости, царистских иллюзиях.

В январской книжке «Морского сборника» (1855) были помещены ответы 653 раненных под Севастополем матросов. Их спрашивали, в чем они нуждаются, чего желают для себя или родных. «Сколько мыслей родят эти строки, запечатленные такою поразительною правдою! — с горечью отмечает Чернышевский. — Из 653 человек только 43, да и то единственно по повторенному требованию, изъявляют определенные желания и надежды, — и как скромны эти желания! Остальные — говорят только, что поручают себя милости начальства — пусть оно само чем-нибудь наградит их, если находит достойными награды... А большая часть не произносит даже и этих слов... Как ярко обрисовывается одним таким фактом жизнь русского воина, умирающего за отечество, не ожидая воздаяний! Как хорошо обрисовывается ими жизнь русского простолюдина вообще!».

В этих условиях демократ и социалист Чернышевский занялся тем, чем единственно можно было заниматься в то время в России мыслящему человеку, — просвещением умов относительно неотложных потребностей общественной жизни и характера предстоящих преобразований.

Просветительский период творчества Чернышевского начинается примерно в 1855 г. и заканчивается в середине 1858 г. Он открывается его магистерской диссертацией, где впервые объявляется война устарелому мирозерцанию и провозглашаются основные начала нового мироощущения и жизнепонимания... В своем стремлении повлиять на мысли и чувства современников Чернышевский исходил из того, что преимущественный интерес у русского образованного общества вызывает литература и потому именно она на первых порах должна взять на себя ведущую роль в деле критики существующего положения. Именно ей русская читающая публика была обязана, по мнению Чернышевского, первыми шагами «по пути умственного и нравственного совершенствования». «Литература у нас, — писал Чернышевский также в «Очерках гоголевского периода русской литературы», — пока сосредоточивает почти всю умственную жизнь народа, и потому прямо на ней лежит долг заниматься и такими интересами, которые в других странах перешли уже, так сказать, в специальное заведывание других направлений умственной деятельности».

Приниженность народа, его покорность существующему, его «неподвижность» Чернышевский считал следствием деградировавшей в ходе истории способности народа мыслить, страстно желать, энергично стремиться к чему-либо. Поэтому задача просветителя, согласно Чернышевскому, заключается в том, чтобы бороться с апатией общества в отношении высших интересов умственной и нравственной жизни, побуждать людей идти вперед, и в этом большое значение имеет личный пример жизни и деятельности передовых людей...

Социальная суть предстоящих преобразований русского общества в то время представляется Чернышевскому еще в общих чертах. В основном это антифеодальные меры в экономической и общественной жизни страны: отмена крепостного права, всесторонняя европеизация страны, защита общенациональных, общегосударственных интересов, которые отождествляются прежде всего с интересами крестьянской массы. Как социалист, выразитель интересов трудящихся, мыслитель настаивает прежде всего на сохранении «принципа общинного землевладения». Экономическое движение в Европе породило «страдания пролетариата». Чернышевский не сомневается, что в конце концов они непременно будут исцелены, что болезнь эта «не к смерти, а к здоровью», но «лечение этих страданий требует долгого времени и великих усилий». К счастью, в крестьянской общине Россия имеет «противоядие от болезни», отказываться от которого было бы в данных условиях нерасчетливо и неразумно.

Возможность избежать «язвы пролетариата» с помощью развития страны по пути общинного владения землей Чернышевский считает вполне осуществимой перспективой, поскольку в России в отличие от Западной Европы речь идет о том, чтобы защищать «не теорию, противоречащую фактам, а факт против ошибочной теории». «...Теперь судьба нашего народа на много веков еще в наших руках; через пятьдесят, быть может, через тридцать лет, или — кто знает, замедлится или

ускорится неизбежный ход событий? — быть может, и раньше, будет уже поздно поправлять дело». Пример Европы да будет России уроком, убеждает Чернышевский образованное общество. «Теперь мы еще можем воспользоваться этим уроком. Теперь, когда мы еще только предвидим изменения, именно и нужно нам приготовиться к тому, чтобы сознательно встретить события и управлять их ходом...».

С собственно экономической точки зрения у Чернышевского нет ни малейших сомнений в предпочтительности «государственной собственности с общинным владением» по сравнению с частной поземельной собственностью. Но форма владения, понимает он, не исчерпывает всего комплекса мер, в которых нуждается для своих успехов сельское хозяйство, экономика страны. Кроме сохранения общины необходимы «водворение законности, справедливости и правосудия, водворение хорошей администрации, предоставление каждому простора для законной деятельности, [предоставление каждому трудящемуся обязанности содержать своими трудами только себя и своих близких, а не паразитов, ему чуждых или враждебных]». За осуществлением этих условий, надеется Чернышевский, последует и все остальное: «пробуждение промышленной деятельности», развитие городов, усовершенствование средств сообщения и т. п.».

В фейсбуке: <https://www.facebook.com/photo.php?fbid=1592688510818040>

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ. Ч.2.

«Мужчина, не одухотворенный гражданскими интересами, – только существо мужского пола, которое бреет усы и бороду»

Н. Г. Чернышевский

Перелом в социально-политических воззрениях Н. Г. Чернышевского произошел в 1857–1858 гг., и он был связан с разочарованием в царской политике в отношении крестьянского вопроса. Если в первый период своего творчества Чернышевский выступал за просветительские методы, то в последующий период он действует уже как идеологический социалист, хотя и умеренного типа. Эта творческая трансформация прослежена в статье И. К. Пантина «Человек и действительность в философской концепции Н. Г. Чернышевского». Приводим выдержки оттуда:

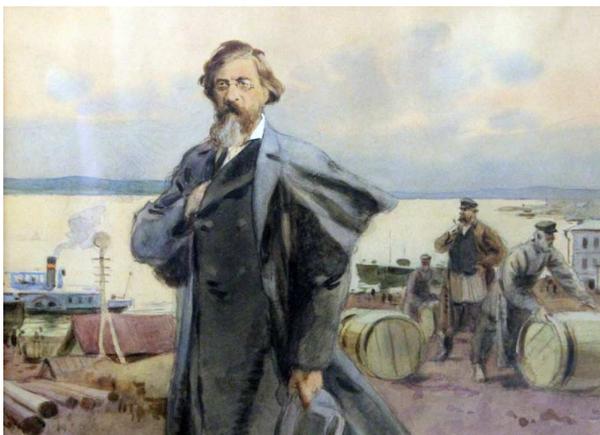
«Насущность реформ, касающихся элементарных нужд крестьянства, как бы отодвигала в сторону помыслы и соображения обо всем другом, казавшемся в этих условиях чем-то далеким, скажем вопрос о политических силах, способных бороться за достижение поставленных целей. Предстоящие изменения выступают для Чернышевского как общее дело всех без исключения кругов, озабоченных судьбами страны. Подобно большинству социалистов начала XIX в. он полагает, что польза выдвинутых им планов преобразования слишком очевидна, чтобы в этом деле оказались важнее какие-либо посторонние соображения, что провозглашение идеалом «национального интереса», «государственной пользы» заключает в себе великую силу убеждения и пропаганды...»

Обнародование царского рескрипта от 20 ноября 1857 г., последующие рескрипты от 5 и 24 декабря, по-видимому, подкрепляли оптимизм Чернышевского: дело освобождения крестьян вышло наконец за пороги тайных комитетов и правительство выразило реальное намерение покончить с крепостным правом.

Первым откликом Чернышевского на царские рескрипты была статья «Кавеньяк» (1858). В ней мыслитель указывает на огромные трудности, которые стоят перед «государственным человеком». Последний сплошь и рядом оказывается «в положениях, неразрешимых прежними случаями, потому что в истории ничто не повторяется...». «Государственному человеку» недостаточно воли, доброго намерения. Всем этим обладал, к примеру, диктатор Франции в 1848 г. Кавеньяк, и тем не менее он принес стране «гораздо больше вреда, нежели пользы». Кроме хороших намерений, само собой разумеющихся, «государственному человеку», доказывает Чернышевский, «нужны еще другие, высшие достоинства» — умение решительно действовать, опираясь на людей, «сочувствующих его намерениям», и не оставляя «влияния на ход событий врагам своих намерений». Достоин ли имени «государственного человека» Александр II, покажут события. В отличие от Герцена Чернышевский не спешит сделать вывод, что Александр II «работает с нами — для великого будущего», хотя и признает в статье «О новых условиях сельского быта» (1858), что с делом, которое начал русский император, «может быть сравнена только реформа, совершенная Петром Великим»...

Нелегко войти во внутренний мир такого мыслителя, как Чернышевский, еще труднее установить переломные моменты процесса формирования его политических взглядов. И все-таки внимательный читатель заметит необычный тон предисловия к «Истории XVIII века» Ф.Х. Шлоссера (март 1858) — печальный и торжественный.

Чернышевский как бы прощается со своими прошлыми иллюзиями, прощается с некоторой грустью, как расстаются с юношескими порывами и надеждами. Чтобы вполне понять и по достоинству оценить Шлоссера, говорит Чернышевский, нужно отказаться от «всех обольщений внешности», от «всех прикрас идеализма». Нужно «холодную разборчивость старика соединять с благородством юноши». Конечно, для большинства это будет связано с жертвами: «...быть может, вы потеряете веру почти во всех тех людей, которыми ослеплялись прежде; но зато уже никакое разочарование опыта не сокрушит того убеждения в неизбежности развития, которое сохранится в вас после его строгого анализа...». Не героев добра и правды, сотканых, как выражается Чернышевский, из «риторических фраз или идеальных увлечений», а «людей простых и честных, темных и скромных, каких, слава богу, всегда и везде будет довольно», вы признаете вместе со Шлоссером (и Чернышевским, добавим мы) «истинно полезными двигателями истории».

Не следует торопиться с выводами и думать, что начиная с этого момента, Чернышевский переходит на точку зрения свержения самодержавия и проповедует идею крестьянской революции. В отличие от некоторых своих соратников Чернышевский в конце 50-х годов не ставил вопроса в форме альтернативы: реформа или революция. Живя в стране, где условия для демократического движения еще только складывались, он отдавал себе ясный отчет в том, что выбора между борьбой за реформы и крестьянской революцией не существовало. Революция требует такой сознательности и энергии, такой стойкости сопротивления, которых не было еще у трудящихся масс ни в России, ни даже на Западе. Другое дело, что массы, в конце концов обретут их — в этом Чернышевский нисколько не сомневался, — однако сколько времени потребуется для того, чтобы на смену «темным чувствам или предрассудкам огромного большинства» пришли упроченные привычкой «совершенно новые убеждения», он не знает. Пока же условий для революции нет, революционеру, по его мнению, следует придерживаться иной стратегии — формулировать требования, которые способствуют сплочению достаточно широких общественных кругов. Вот почему программа практических задач, развиваемая Чернышевским в ряде статей, посвященных обсуждению готовящейся реформы, при всей своей выдержанности в демократическом духе отличается умеренностью и реализмом.

В этот период Чернышевский намечает те основные проблемы, которые предстояло решить русской революционной партии, формулирует костяк теоретических и политических идей крестьянской демократии. Это потребовало от ученого анализа интересов различных сословий, в результате которого он пришел к пониманию того, что борьба экономических интересов представляет собой содержание и движущий мотив истории. Нужно было уяснить конкретные цели и пути, которые обеспечили бы переход от потерпевшего банкротство крепостнического строя к обществу, отвечающему интересам широких крестьянских масс. Предпосылкой обоснования нового воззрения явился показ неспособности самодержавия и господствующих классов совершить освобождение крестьянства.

Изменилась и точка зрения Чернышевского на вопрос о соотношении интересов классов в России. Еще в 1857 г. в рецензии на «Письма об Испании» В.П. Боткина

Чернышевский называет «бесспорным преимуществом» испанского народа тот факт, что сословия в нем «не разделены между собою ни закоределю ненавистью, ни существенною противоположностью интересов» — в отличие от других стран Западной Европы. Отсюда Чернышевский делал вывод, что в Испании «все сословия могут дружно стремиться к одной цели». Осуществление общегосударственных интересов, национальных стремлений Чернышевский все еще не связывал с исторической деятельностью определенных социальных сил. По крайней мере, в отношении этих стремлений раскол народа «на враждебные касты» не кажется ему неизбежным. Напротив, в странах, думает он, где нация осознает себя «одним целым», национальные стремления осуществляются более или менее безболезненно и легко, главное — разбудить в нации «потребность улучшить свой быт», преодолеть рутину, неподвижность, «беззаботность невежества».

Теперь, в 1858 г., «потребность улучшить свой быт» была разбужена, прежняя рутинa и неподвижность уходили в прошлое. И что же? Оказалось, что подобно европейскому русское общество расколото на «враждебные касты». «Национальный интерес» предстал и здесь не суммой интересов отдельных сословий, а выражением эгоистических устремлений господствующих слоев, готовых «пожертвовать самыми драгоценными историческими приобретениями», лишь бы сохранить свои привилегии. Исторический круг замкнулся. Россия, вступившая на дорогу Запада (правда, в специфической форме «самодержавной революции»), сразу же обнаружила, что единства интересов в современном обществе не существует даже тогда, когда речь идет о ломке заржавелых средневековых форм.

Поставленный перед необходимостью решительного выбора, Чернышевский предпочел миражу единого общенационального интереса суровую правду классовой борьбы. Потерпел крушение не либерализм Чернышевского — либералом он никогда не был, — потерпели крушение иллюзии надклассового социализма и демократизма. От утопического социализма и просветительства Чернышевский делает шаг навстречу революционному социализму и «теории трудящихся».

В фейсбуке: <https://www.facebook.com/photo.php?fbid=1593805194039705>

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ. Ч.3.

«Есть в истории такие положения, из которых нет хорошего выхода, — не оттого, чтобы нельзя было представить его себе, а оттого, что воля, от которой зависит этот выход, никак не может принять его. Правда, но что же в таких случаях остается делать честному зрителю? Ужели обманывать себя обольщениями о возможности, даже о правдоподобности такого принятия? Мы не знаем, что ему делать, но знаем, чего он, по крайней мере, не должен делать: не стараться ослеплять других, остерегаться заражать других идеологической язвой, если сам по несчастию подвергся ей»

Н. Г. Чернышевский

Представляют интерес взгляды Н. Г. Чернышевского на крестьянскую реформу, готовившуюся в конце 1850-х гг. и осуществленную в 1861 г. По его мнению, главная проблема реформы состоит в том, что качество ее средств не соответствует задуманному делу, поэтому она обречена на провал. Чернышевский убежден, что в основе реформы лежат не гуманные цели, а стремление отреагировать на мнение либеральной общественности, которая после поражения в Крымской войне считала, что старый порядок вещей уже несостоятелен. Эта тема рассматривается в статье И. К. Пантина «Человек и действительность в философской концепции Н. Г. Чернышевского». Приводим выдержки оттуда:

«Чернышевский прозорливо указывает, что освобождение крестьян, предпринятое самодержавием, обречено на неудачу, потому что «качество средств» не соответствует задуманному делу. Знакомый с европейской политической историей, Чернышевский не отрицал реформы как одного из путей решения общественных вопросов. Герой его романа «Пролог», написанного в Сибири, Волгин, выражая в данном случае мысли самого автора, говорит: «Возможности реформ я не отвергаю: как отвергать возможность того, что происходит? Происходят реформы, в огромном количестве...». Но тот же Волгин подчеркивает, что он решительно против реформ, «когда нет условий, необходимых для того, чтобы реформы производились удовлетворительным образом».

Нельзя забывать всей сложности общественной ситуации в России накануне реформы. С одной стороны, самодержавие под влиянием поражения в Крымской войне решилось на отмену крепостного права, с другой — помещики, вынужденные принять царские рескрипты, стремились максимально оградить свои привилегии (ни либерально настроенные дворяне, ни тем более откровенные крепостники не выказывали ни малейшего намерения руководствоваться при освобождении крестьян интересами последних). Само же крепостное крестьянство, представлявшее «национальные интересы», в настоящем своем положении оказывалось темной, забитой, политически неподвижной массой. Других общественных сил, заинтересованных в освобождении крестьян, а главное, способных провести отмену крепостного права в интересах последних, в России не существовало... Основной своей задачей в это время философ считает разоблачение либерального предрассудка, «будто государственная власть может заменять собою результаты индивидуальных усилий в общественных делах», воспитание у нарождающейся демократии того чувства «гражданской самостоятельности, которое только одно может упрочить здоровье нации».

В этом отношении представляет интерес запрещенная цензурой статья «Апология сумасшедшего» (1861), в которой Чернышевский достаточно недвусмысленно (хотя и в завуалированной форме — давая якобы оценку реформы Петра I) указывает на подлинные цели «великой реформы». Освобождая крестьян от крепостного права, царское правительство, как когда-то Петр I, руководствовалось не мотивами гуманности, а чисто государственными соображениями. Цель заключалась вовсе не в европеизации России, доказывает Чернышевский, а в «создании сильной военной державы». Этой целью обусловлен характер освобождения и соответственно его результаты. «Результатом деятельности Петра Великого было то, что мы, получив хорошее регулярное войско, стали сильною военною державою, а не то, чтобы мы изменились в каком-нибудь другом отношении». Могут ли быть иными результаты отмены крепостного права, проведенной «силою современного государства» во имя тех же ограниченных целей?

Чернышевский начинает понимать, что источник политической инициативы царизма — это поражение в Крымской войне, доказавшее несостоятельность старого порядка вещей и придавшее силу так называемой либеральной партии, которая требовала уничтожения крепостного права. Однако кризис, порожденный войной, с горечью констатирует мыслитель в «Письмах без адреса» (1862), оказался не настолько глубоким, чтобы вызвать к жизни общественное движение, способное решительно сломать старый строй. Не считая узкого слоя людей, «более или менее думавших об общественных делах», остальная масса населения, в особенности крестьянство, более всего заинтересованное в переменах, стояла в стороне от назревших событий. «Привычный произвольный способ ведения дел» был, таким образом, неизбежным результатом слабости освободительного движения.

В этих условиях революция (пусть в будущем) представлялась единственным путем действительного преобразования России. В ходе идейной подготовки революции принципиальное значение приобретало разоблачение враждебности либералов интересам народа. Впервые в русской литературе Чернышевский определяет либерализм как одно из течений внутри господствующего класса, несовместимое по своей сути с устремлениями «низших сословий». «Без них, без этих людей, — писал он, — так прочно и добросовестно утвердивших за собой репутацию либералов и демократов, реакционеры были бы бессильны». Оберегая зарождавшееся в России демократическое движение от «идеологической язвы» либерализма, Чернышевский разоблачает бесхарактерность и холопство либералов перед самодержавием, их боязнь революционного движения масс.

Понимание необходимости революции и готовность отдать всего себя революционному делу и одновременно предчувствие невозможности свершения революции при данных условиях — это трагическое противоречие пронизывает все политическое мирозерцание Чернышевского. Как историк он знал, что революция предполагает политическую активность народных масс. Как политик он не имел ответа на вопрос, какие конкретные силы способны пробудить в темном, забитом крестьянстве коллективную волю и направить ее в демократическое русло. Силы, призванные совершить социальный переворот, рисуются философу еще в очень общем плане. Для

него это масса эксплуатируемых людей, каждый из которых «не только не получает в свою пользу часть труда или продукта других, но и продуктами своего труда или заслуг пользуется не вполне...». Однако, даже понимая, что время революции еще не пришло, Чернышевский считал важным делом систематическое и терпеливое воспитание революционеров, способных оказаться на высоте исторической задачи, когда ход событий подведет массы к непосредственному натиску на самодержавие и помещиков. В решении этой задачи его роман «Что делать?» (1863) сыграл выдающуюся роль, воспитав несколько поколений беспримерных по силе духа борцов за социализм.

В концепции революционного действия Чернышевского отсутствуют какие-либо политические рецепты. Обобщая опыт революций в Западной Европе, русский демократ формулирует основные правила для политической партии, желающей быть эффективной силой. Такая партия должна опираться, прежде всего, на поддержку масс, завоевать которую можно лишь при условии, если партия выступит за радикальный переворот в отношениях собственности. Тактическая линия революционеров, подчеркивает Чернышевский, должна строиться с учетом действительных интересов других партий, а не выставляемых ими напоказ лозунгов. Политический деятель, оправдывающий свои неудачи предательством союзников, «обнаруживает только собственную неприготовленность к ведению важных дел». Революционер не должен идеализировать и народ, который в своей массе состоит из «обычных людей», способных под влиянием страсти увлекаться, впадать в крайности. Тот, кому «отвратительны сцены, неразрывно связанные с возбуждением народных страстей», не должен браться за ремесло революционера; революция имеет свою логику, и революционеры должны быть готовы, «не колеблясь, принимать такие меры, какие нужны для успеха», не обольщаясь относительно средств, требуемых делом, равно как и «явлений, какие могут вызываться этими средствами».

В фейсбуке: <https://www.facebook.com/photo.php?fbid=1593805194039705>

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ. Ч.4.

«Высшая степень развития по форме сходна с его началом, – это мы видим во всех сферах жизни»

Н. Г. Чернышевский

Одна из наиболее известных работ Н. Г. Чернышевского, в которой формулируются его социально-политические взгляды, – это статья «Критика философских предубеждений против общинного владения», которая вышла в 1858 г. в «Современнике». В этой работе формулируется идея однонаправленного социального развития, сопровождающегося изменениями в обществе. Эту идею Чернышевский иллюстрирует примерами из экономических отношений в сельском хозяйстве; в то же время он обращает внимание на то, что высшая степень развития (социализм) по форме сходна с началом развития (первобытно-общинный строй), и это можно наблюдать во всей природе. Он высказывает мысль о том, что Россия может прийти к социализму, минуя капитализм, через сельскую общину; при этом в таком скачке он допускает возможность применения технико-экономических достижений промышленного капитализма. Обратимся к рассуждениям Чернышевского:

«Как ни важен представляется мне вопрос о сохранении общинного владения, но он все-таки составляет только одну сторону дела, к которому принадлежит. Как высшая гарантия благосостояния людей, до которых относится, этот принцип получает смысл только тогда, когда уже даны другие, низшие гарантии благосостояния, нужные для доставления его действию простора. Такими гарантиями должны считаться два условия. Во-первых, принадлежность ренты тем самым лицам, которые участвуют в общинном владении. Но этого еще мало. Надобно также заметить, что рента только тогда серьезно заслуживает своего имени, когда лицо, ее получающее, не обременено кредитными обязательствами, вытекающими из самого ее получения. Примеры малой выгодности ее при противном условии часто встречаются у нас по дворянским именьям, обремененным долгами. Бывают случаи, когда наследник отказывается от получения огромного количества десятин, достаемых ему после какого-нибудь родственника, потому что долговые обязательства, лежащие на земле, почти равняются не одной только ренте, но и вообще всей сумме доходов, доставляемых помещьем. Он рассчитывает, что излишек, остающийся за уплатою долговых обязательств, не стоит хлопот и других неприятностей, приносимых владением и управлением. Потому, когда человек уже не так счастлив, чтобы получить ренту, чистую от всяких обязательств, то по крайней мере предполагается, что уплата по этим обязательствам не очень велика по сравнению с рентою, если он находит выгодным для себя ввод во владение. Только при соблюдении этого второго условия люди, интересующиеся его благосостоянием, могут желать ему получение ренты...

Прежде нежели вопрос об общине приобрел практическую важность с начатием дела об изменении сельских отношений, русская община составляла предмет мистической гордости для исключительных поклонников русской национальности, воображавших, что ничего подобного нашему общинному устройству не бывало у других народов и что оно таким образом должно считаться природною особенностью русского или славянского племени, совершенно в том роде, как, например, скулы более широкие, нежели у других европейцев, или язык, называющий мужа - муж, а не mensch, хоти или l'hotte и имеющий семь падежей, а не шесть, как в латинском, и не пять, как в греческом. Наконец, люди ученые и беспристрастные показали, что общинное поземельное устройство в том виде, как существует теперь у нас, существует у многих

других народов, еще не вышедших из отношений, близких к патриархальному быту, и существовало у всех других, когда они были близки к этому быту. Оказалось, что общинное владение землею было и у немцев, и у французов, и у предков англичан, и у предков итальянцев, словом сказать, у всех европейских народов; но потом при дальнейшем историческом движении оно мало-помалу выходило из обычая, уступая место частной поземельной собственности. Вывод из этого ясен. Нечего нам считать общинное владение особенною прирожденною чертою нашей национальности, а надобно смотреть на него как на общую человеческую принадлежность известного периода в жизни каждого народа. Сохранением этого остатка первобытной древности гордиться нам тоже нечего, как вообще никому не следует гордиться какою бы то ни было стариною, потому что сохранение старины свидетельствует только о медленности и вялости исторического развития. Сохранение общины в поземельном отношении, исчезнувшей в этом смысле у других народов, доказывает только, что мы жили гораздо меньше, чем эти народы. Таким образом оно со стороны хвастовства перед другими народами никуда не годится...

1. Когда известное общественное явление в известном народе достигло высокой степени развития, ход его до этой степени в другом, отставшем народе может совершиться гораздо быстрее, нежели как совершался у передового народа. (Англичанам нужно было более нежели 1 500 лет цивилизованной жизни, чтобы достичь до системы свободной торговли. Новозеландцы, конечно, не потратят на это столько времени).

2. Это ускорение совершается через сближение отставшего народа с передовым. (Англичане приезжают в Новую Зеландию.)

3. Это ускорение состоит в том, что у отставшего народа развитие известного общественного явления благодаря влиянию передового народа прямо с низшей степени перескакивает на высшую, минуя средние степени. (Под влиянием англичан новозеландцы прямо от той свободной торговли, которая существует у дикарей, переходят к принятию политико-экономических понятий о том, что свободная торговля - наилучшее средство к оживлению их промышленной деятельности, минуя протекционную систему, которая некогда казалась англичанам необходимостью для поддержки промышленной деятельности.)

4. При таком ускоренном ходе развития средние степени, пропускаемые жизнью народа, бывшего отсталым и пользующегося опытностью и наукою передового народа, достигают только теоретического бытия как логические моменты, не осуществляясь фактами действительности. (Новозеландцы только из книг будут знать о существовании протекционной системы, а к делу она у них не будет применена.)

5. Если же эти средние степени достигают и реального осуществления, то разве только самого ничтожного по размеру и еще более ничтожного по отношению к важности для практической жизни. (Люди с эксцентрическими наклонностями существуют и в Новой Зеландии, как повсюду; из них некоторым, вероятно, вздумается быть приверженцами протекционной системы; но таких людей будет один на тысячу)

или на десять тысяч человек в новозеландском обществе, и остальные будут называть их чудаками, а их мнение не будет иметь никакого веса при решении вопросов о заграничной торговле.)

Сколько нам кажется, эти выводы довольно просты и ясны, так что, может быть, не превысят разумения тех людей, для которых писана наша статья.

Итак, два печатные листа привели нас к двум заключениям, которые для читателя, сколько-нибудь знакомого с понятиями современной науки, достаточно было бы выразить в шести строках:

1. Высшая степень развития по форме совпадает с его началом.

2. Под влиянием высокого развития, которого известное явление общественной жизни достигло у передовых народов, это явление может у других народов развиваться очень быстро, подниматься с низшей степени прямо на высшую, минуя средние логические моменты».

В фейсбуке: <https://www.facebook.com/photo.php?fbid=1596707303749494>

ТЕОРИЯ РАЗВИТИЯ. Ч.1.

«Путь, по которому несется колесница истории, чрезвычайно извилист и испещрен рытвинами, косогородами и болотами, так что тысячи напрасных толчков претерпит седок этой колесницы, человек, и сотни верст исколесит всегда для того, чтобы подвинуться на одну сажень ближе к прямой цели»

Н. Г. Чернышевский

Теорию исторического развития Н. Г. Чернышевского в целом можно охарактеризовать как прогрессистскую. Тем не менее Чернышевский отмечает, что позитивное развития неразрывно связано с периодами регресса; нельзя вести речь об однонаправленном развитии, но имеет место как бы «зигзагообразное развитие». Главный субъект истории для Чернышевского – народные массы. В Новое время благоприятный для народа исторический результат достигается через ряд «кратких периодов усиленной работы» — революций. Каждая из них, хотя и существенно двигает общество вперед, еще не дает желаемого результата, сменяется застоєм, реакцией. Однако реакция в свою очередь невольно готовит приход нового этапа революций. Так происходит до введения парламентских форм, дающих хотя бы ограниченную возможность для общественной самостоятельности, и в более отдаленном будущем — вплоть до утверждения форм социалистических. Эта тема рассматривается в статье И. К. Пантина «Человек и действительность в философской концепции Н. Г. Чернышевского». Приводим выдержки оттуда:

«Как мыслитель, для которого проблема единства истории имела первостепенное значение, Чернышевский сталкивался со сложной для себя дилеммой: либо признать единство истории на базе признания универсальности капиталистической формы производства («интересов капитала»), либо, встав в оппозицию к идее буржуазного прогресса, попытаться сделать интересы трудящихся руководящей нитью и критерием значимости того или иного исторического явления. Русский социалист не отрицает исторической прогрессивности капитализма, одолевающего средневековье, «рутину и фальшивое самолюбие», быстро развивающего «производство страны». Тем не менее, он отказывается признать «нормальность» этого строя, поскольку «в обществах гораздо богатейших» есть классы, находящиеся в «состоянии величайшей бедности»...

Чернышевский утверждает: главным источником невежества трудящихся масс являются экономические отношения эксплуататорского строя — «без благосостояния ни ум, ни нравственность не могут развиваться». Однако приобрести «благосостояние» и уничтожить существующий порядок «низший класс» сможет лишь тогда, когда приобретет «привычку мыслить», способность судить о вещах «своим умом по своим интересам». Пытаясь разорвать этот порочный круг причин и следствий, Чернышевский обращается к просвещению и постулирует решающую роль научного знания в историческом процессе; в то же время он понимает, что «мысль сама по себе слишком слаба перед тяготением действительности, убеждение в огромном большинстве людей оказывается бессильно перед житейскими надобностями». Перед нами не внешнее противоречие, несогласованность отдельных высказываний, а антиномия мысли, имеющая объективную почву и потому неразрешимая в одной лишь сфере мысли.

Конечно, антропологическому рационалистическому мышлению свойственно искать решение исторической задачи в сфере сознательного действия. Не случайно Чернышевский придавал деятельности «новых людей», их революционному почину важное значение. Последователи Чернышевского, прежде всего революционные народники, довели эту сторону его мировоззрения до логического конца: они уже ставят будущее народа в зависимость от инициативы революционной интеллигенции. Однако сам Чернышевский считал, что начинается новая эпоха в истории — эпоха самостоятельного действия народных масс, о чем свидетельствовало революционное движение 1848–1849 гг...

Опыт истории показал Чернышевскому, что в жизни каждого народа бывают «минуты энергических усилий, отважных решений», когда невежественные массы поднимаются на самоотверженную борьбу. И какими бы краткими по времени ни были эти революционные периоды, чем бы они ни заканчивались, именно им в первую очередь общество обязано своим движением вперед. Революционные периоды для русского мыслителя — это время исторического творчества масс, когда «делается девять десятых частей того, в чем состоит прогресс...». Вместе с тем мысль Чернышевского напряженно работает над разгадкой парадокса исторического прогресса, когда после кратковременного успеха масс наступает господство нового эксплуататорского класса. В особенности события итальянского Рисорджименто и победа партии Кавура убедили его в том, что «люди крайних мнений... работают не в свою пользу». Хотя общество продвигается вперед именно усилиями «решительных прогрессистов», которые ведут за собой народ, плоды победы, как правило, достаются «умеренной партии». Верный своему антропологическому принципу, Чернышевский усматривает причину этого явления в господстве «рутины» над жизнью большинства. Революция требует инициативы, огромного напряжения, к чему большинство не привыкло. В результате — усталость и апатия, которые благоприятствуют победе людей типа Кавура — людей «партии рутины». Наиболее радикальные деятели быстро утомляют массу и отвергаются ею как «не соответствующие неопределенности ее тенденций, вялости ее желаний...».

Постепенно у Чернышевского вырастает сложная, хотя и не во всех пунктах завершенная, концепция циклического прогресса в новое время. Исторический результат, более или менее благоприятный для народа, достигается через ряд «кратких периодов усиленной работы» — революций. Каждая из них, хотя и существенно двигает общество вперед, еще не дает желаемого результата, сменяется застоем, реакцией. Однако реакция в свою очередь невольно готовит приход нового тура революций, когда по закону «физической смены поколений» подрастут люди, «силы которых не изнурены участием в

прежних событиях...». И так до введения парламентских форм, дающих хотя бы ограниченную возможность для общественной самодеятельности, и в более отдаленном будущем — вплоть до утверждения форм социалистических.

Что же касается исторического прогресса в целом, то Чернышевский приходит к выводу о его неодолимости и вместе с тем сложности, зигзагообразности. В одном из политических обзоров 1859 г. он следующим образом определяет закономерность исторического прогресса: «Закон прогресса — ни больше, ни меньше как чисто физическая необходимость вроде необходимости скалам понемногу выветриваться, рекам стекать с горных возвышенностей в низменности, водяным парам подниматься вверх, дождю падать вниз. Прогресс — просто закон нарастания». В другой работе он сравнивает закон хода великих мировых событий с «законом тяготения или органического возрастания». Но было бы упрощением квалифицировать эти высказывания как чисто натуралистическое понимание прогресса. Сущность теории прогресса Чернышевского менее всего можно свести к сформулированному им самим «закону нарастания». Уже со студенческих лет Чернышевский прекрасно понимал, что прогресс не представляет собой императива или закона. Прогресс и регресс неотделимы у него от условий и ритма социального развития: «...путь, по которому несется колесница истории, чрезвычайно извилист и испещрен рывками, косогорами и болотами, так что тысячи напрасных толчков претерпит седок этой колесницы, человек, и сотни верст исколесит всегда для того, чтобы подвинуться на одну сажень ближе к прямой цели».

Почему же, согласно Чернышевскому, прогресс нельзя понимать как непосредственно и непрерывно действующий закон? Прежде всего, потому, что народы сталкиваются с препятствиями в виде внешних неблагоприятных обстоятельств, но еще чаще «ограничения прогресса» проистекают из-за помех, создаваемых внутренними противоречиями общественной жизни. Этим объясняется, что «бывают иногда периоды довольно долгого регресса и в самых передовых странах...». Чернышевский понимает, что главной причиной того, что движение истории представляется нам ломаной линией, которая часто меняет свое направление, вытягивается, удаляясь порой на значительное расстояние от своей исходной точки, является антагонистический характер общественного прогресса. Борьба между нациями и борьба между «сословиями», составляющими отдельную нацию, война внешняя и внутренняя и множество иных, более второстепенных факторов, воздействующих на историческое движение, — все это делает понятным, в силу чего «исторический прогресс совершается медленно и тяжело... так медленно, что если мы будем ограничиваться слишком короткими периодами, то колебания, производимые в поступательном ходе истории случайностями обстоятельств, могут затемнить в наших глазах действие общего закона». Однако сложный, маятникообразный характер исторического прогресса, возвраты назад, громадная растрата сил при достижении «грошового» результата не вызывают у Чернышевского пессимизма в отношении развития общества, а служат основанием для трезвого, «сурового» взгляда на течение исторических дел и перспективы будущего».

В фейсбуке: <https://www.facebook.com/photo.php?fbid=1597726823647542>

ТЕОРИЯ РАЗВИТИЯ. Ч.2.

«Те передовые люди, деятельностью которых развивается наука, ведут ее и к тому, чтобы прониклась результатами ее жизнь всего народа. Люди отсталые, служащие только обременением для развития науки, не приносят никакой пользы и ее распространению в массе; они бесполезны во всех отношениях и во многих прямо вредны»

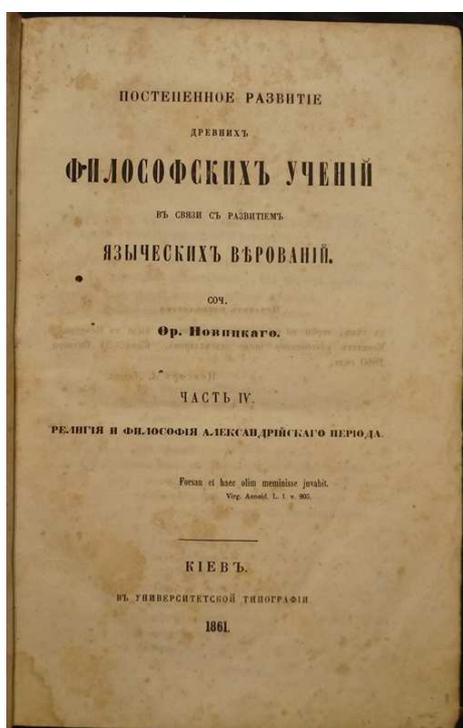
Н. Г. Чернышевский

Продолжаем рассматривать взгляды Н. Г. Чернышевского на историческое развитие и его факторы. В краткой и емкой форме они получили выражение в рецензии Чернышевского на книгу О. Новицкого «Постепенное развитие древних философских учений в связи с развитием языческих верований» (1860). Чернышевский полагает, что интеллектуальное развитие человечества может быть представлено следующим образом: сначала люди более или менее равны в своем развитии, затем происходит выделение людей высшего умственного развития из толпы, которая все дальше и дальше отстает от их быстрого движения; однако по достижении очень высоких степеней развития умственная жизнь передовых людей получает характер все более и более доступный простым людям, все больше и больше соответствующий простым потребностям массы, так что «вторая, высшая половина исторической умственной жизни состоит по своему отношению к умственной жизни простолюдинов в постепенном возвращении того единства народной жизни, которое было при самом начале и которое разрушалось в первой половине движения». Эта схема, согласно Чернышевскому, повторяется на всем протяжении истории. Обратимся к его рассуждениям:

«При военных походах одним из неизбежных явлений бывают толпы отсталых, число которых увеличивается по мере того, как армия с генеральным штабом подвигается все дальше и дальше вперед. При быстром наступлении дело доходит до того, что большинство солдат остается далеко позади. По счету эти толпы далеко превосходят ту часть войска, которая идет под знаменами; но они не принимают уже никакого участия в битвах и служат только обременением для своих бывших товарищей, на плечах которых остается вся тяжесть борьбы, которые зато одни и получают славу. То же самое бывает и в умственном движении человечества в завоевании истины. Сначала все народы идут наравне: предки Аристотеля жили некогда в таком же состоянии, как готтентоты, имели такие же понятия; но вот умственное движение ускоряется в некоторых племенах, и огромное большинство человеческого рода отстает от них. Греки, изображенные Гомером, уже далеко опередили троглодитов, лестригонов и другие племена, о которых Илиада и Одиссея говорят, как о жалких дикарях, свирепых вследствие самой своей нищеты, умственной и материальной. Еще несколько переходов - и большинство самих греков отстает от передовых племен. Во времена Солона афиняне уже много ушли вперед против положения, в каком были при Гомере, а спартанцы не подвинулись почти ни на шаг, другие племена не подвинулись вовсе. Еще несколько переходов - и в самом афинском племени повторяется то же явление: мудрость Солона была понятна и доступна каждому афинскому гражданину, а Сократ кажется уже вольнодумцем большинству своих соотечественников: только немногие понимают его, остальные спокойно осуждают на смерть как безбожника.

То же самое и в новой истории. Дело начинается тем, что вся масса людей, населяющая провинции бывшей Западной Римской империи и составившаяся из смешения германских завоевателей с прежними римскими подданными, имеет одинаковый взгляд на

вещи: все одинаково католики и все, от высших до низших, одинаково понимают католичество; папа в VII или VIII веке отличается от самого необразованного французского или ирландского поселянина только тем, что больше его помнит текстов и молитв, а не тем, чтобы иначе разумел смысл их. Наука существует в виде поговорок и простонародных сказаний, которые одинаково известны всем людям всех сословий; поэзия состоит в народных песнях, которые равно известны и близки каждому. Через несколько времени различие сословий по материальному положению производит разницу и в их умственной жизни. Церковные богатства дают возможность образоваться теологам, из которых большинство считается верным католическому преданию, но все-таки дает ему истолкование, различное от понятий, сохраняющихся между простолюдинами. Немногие особенно даровитые теологи доводят эту переделку до того, что их понятия отвергаются большинством других специалистов, зато принимаются мирянами среднего и низшего сословий в тех местах, где обстоятельства особенно благоприятствуют развитию массы. Так из католического общества выделяются альбигойцы и другие еретики.

Наука так же постепенно принимает форму, незнакомую массе, развивает в себе содержание, непонятное для неспециалистов. Из общих всем понятий о созвездиях развивается нечто похожее на астрономию, и сама астрология становится знанием гораздо обширнейшим простонародных поверий, из которых вышла. Эти успехи основаны на материальных средствах, которыми располагают духовенство и среднее сословие; горожане участвуют и в произведении новой поэзии, уже недоступной всему народу, остающемуся при прежних сказках и песнях; в городских цехах составляются компании мастеров поэзии, мейстерзингеров; но еще больше содействуют этой перемене богатства феодальных баронов, у которых являются придворные поэты - трубадуры. Еще несколько времени, и расстояние между массой и передовыми людьми еще увеличивается; то, что было ересью, представляется выгодным для некоторых светских государей, и учения, различные от католических преданий, объявляются в некоторых

странах господствующими. В начале средних веков все государи помогали католическому духовенству преследовать еретиков; в начале второй половины средних веков графы Тулузские уже покровительствуют альбигойцам, но еще не смеют сами объявить себя альбигойцами и оказываются бессильными защитить еретиков и самих себя от гонения, поднимаемого людьми прежних понятий. Гуситы, в конце средних веков, уже могут удержаться против католического гонения; а через сто лет новые понятия уже официально становятся на место католичества: многие государи предпочитают Лютера папе.

Но через это только увеличивается расстояние между передовыми людьми и массой не только в странах, удержанных в католическом порабощении, но даже в протестантской части Европы: за энтузиазмом простонародья, давшим светской власти силу отложиться от папы, следует прежняя умственная летаргия, и почти весь народ протестантских земель снова впадает в умственную рутину, очень похожую на католичество. Зато очень далеко уходят вперед небольшие части народа: из лютеранства быстро развиваются анабаптизм и другие ереси протестантства.

Большинство протестантских теологов также сохраняет дух неподвижности, по которому уподобляется своим католическим соперникам; но немногие, особенно даровитые люди, как например, Социн, дают ученое развитие понятиям, соответствующим потребности прогрессивного меньшинства простолудинов. Светская наука также развивается между специалистами с замечательной быстротой, а громадное большинство населения остается до сих пор повсюду в невежестве, очень близком к тому, что было в каком-нибудь IX или X веке. Поэзия образованных сословий развивается столь же быстро, а масса повсюду остается при искаженных клочках прежней общенародной поэзии средних веков...

Так было до сих пор; так продолжает быть и теперь; но из этого не следует выводиться, чтобы такое отношение осталось и навсегда. Возвратимся к нашему прежнему сравнению. Только небольшая часть первоначального состава армии имеет силы не отстать от знамен в быстром походе, только она участвует в битвах и совершает завоевания; остальные бывшие товарищи этих воинов лежат по госпиталям или плетутся изнуренные далеко позади. Но ведь кончается когда-нибудь эта разрозненность. Силою небольшой части первоначального огромного войска решена борьба, сделано завоевание, враги приведены к покорности, победители отдыхают; тут, чтобы разделить с ними плоды победы, ежедневно прибывают к ним толпы, остававшиеся назади. В конце похода вся армия опять сплотилась под знаменами, как была перед началом похода. Тем же должно кончиться и умственное движение: завоеванная истина оказывается так проста, понятна каждому, так сообразна с потребностями массы, что принять ее гораздо легче, чем хлопотать над ее открытием. Переходные ступени очень тяжелы, односторонние проявления истины очень мудрены, но полная истина вовсе не такова: самые слабые имеют довольно сил, чтобы обнять ее, когда она, наконец, открыта. Мы видим, как упрощается теория каждой науки по мере ее совершенствования. Тут происходит нечто подобное происходящему при достижении очень высокого развития поэзией образованных сословий: эта поэзия принимает, наконец, формы, доступные простым людям».

В фейсбуке: <https://www.facebook.com/photo.php?fbid=1598765316877026>

ВЗГЛЯД НА ИСТОРИЮ РОССИИ

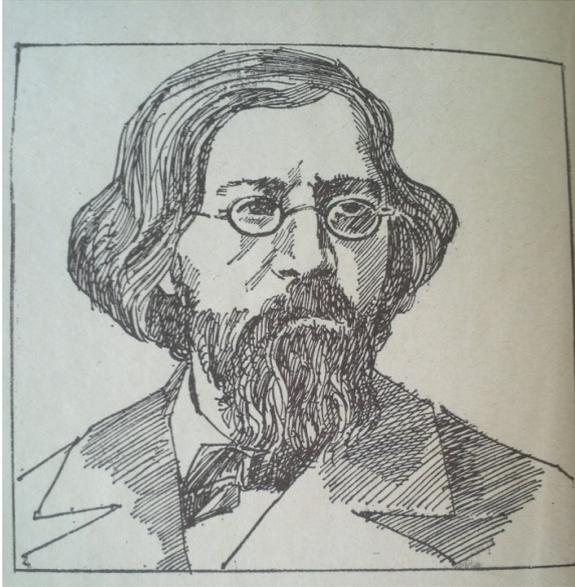
«Чем же были побеждены татары? Собственным одряхлением и размножением русского населения, фактами, происходившими совершенно независимо от централизации»

Н. Г. Чернышевский

В работах Н. Г. Чернышевского не так много рассуждений о раннем периоде русской истории. Одно из таких рассуждений мы находим в его рецензии на работу Токвилля «Демократия в Америке» (1860). Чернышевский критикует отечественную школу исторической мысли, представители которой видят в качестве основного фактора русской истории государство, а насильственную централизацию считают неизбежным процессом. Он высказывает иную мысль: фактором объединения русского народа явился рост населения и противостояние внешним вторжениям. Обратимся к рассуждениям Чернышевского:

«Если б люди, превозносящие историческую пользу централизации и необходимость ее в настоящем, были реакционеры, их взгляд на централизацию был бы очень логичен. Но нет, они - друзья прогресса, и от этого никак нельзя примирить с здравым смыслом их мнение об элементе, занимающем их так много. Надобно сказать, что все они - люди из числа самых образованных у нас, а представители их школы в литературе - замечательные ученые; будь они - люди незнающие, ошибка была бы извинительна; а при качествах, которыми они отличаются, она очень страшна.

Те представители школы, которые заслужили известность научными трудами, занимаются преимущественно русской историей. Они пишут многотомные сочинения и превосходные статьи, подвигающие науку вперед более или менее удачною разработкою фактов; и замечательнейшая вещь здесь та, что каждый излагаемый ими факт явно противоречит выводу их о полезной роли централизации. Начинают они находить ее полезной с самого же первого ее возникновения. Она, по их мнению, дала великорусскому племени государственное единство и освободила восточную половину нынешней России от татар. От чего же произошло раздробление восточной России на мелкие государства и чем оно поддерживалось? Не от географических условий страны произошло оно: вся страна составляет одну местность, не имеющую никаких естественных перегородок, через которые трудно было бы перебраться государственному единству. От Новгорода до Твери, от Твери до Москвы, от Москвы до Нижнего в одну сторону, до Орла в другую - точно такой же путь, какой от каждого из этих городов до ближайших к нему мест: путь совершенно открытый. А между населениями этих областей нет и не было никакой важной разницы по отношению к идее общей народности: в каждом из них всегда владычествовала мысль об одноплеменности своей с остальным великорусским населением. Значит, не было ни физических, ни народных причин возникнуть или удерживаться раздроблению. Оно возникло просто только от того, что население было малочисленно и грубо. По малочисленности своей оно было рассеяно слишком бессвязно: одна группа его разделялась от другой пустынею. По грубости своей оно не могло установить таких форм администрации, которыми удобно соединялись бы области, далекие одна от другой: ведь известно, что обширные государства для прочности своего существования требуют некоторой цивилизации народа, а без нее едва успеет основаться что-нибудь большое, как тотчас же ломается. Значит, чем же должно было прекратиться раздробление великорусского племени? Размножением его, чтобы не оставалось слишком обширных пустынь между его частями, и развитием хотя некоторой цивилизации.

Первое условие понемногу возникало само собою, силою естественного закона: люди размножались, потому что земледельческое население не может не размножаться, пока есть пустая земля. Централизация ничем тут не помогла судьбе России. А развитие второго условия всего сильнее задерживалось соседством хищнических азиатских орд: печенегов, половцев, татар. В Новгороде, далеком от них, гражданское развитие шло успешно. В других областях мешали ему их набеги. Какую силою устранено было это препятствие? Двумя обстоятельствами. С одной стороны, русский народ размножался - значит, с каждым поколением имел все большие силы

останавливать набеги, а потом и теснить назад хищных дикарей, отбивать у них одну полосу земли за другой. С другой стороны, сами эти дикари слабели, хилели, вымирали. Ведь известное дело, что если кочевые варвары захватят удобный для земледелия край в соседстве земледельческого народа, они после первого своего наплыва начинают быстро исчезать с почвы, для них несродной, из соседства людей, которые крепче их срастаются с землею и захватывают своими крепкими корнями все дальше и дальше по краям своих поселений землю, удобную для их дела - хлебопашества. Номады способны держаться против расширения земледельческого народа лишь в своих родных степях, неудобных для земледелия, в какой-нибудь Аравии или в пустынях от Каспийского моря до Кореи. Это вторая, громаднейшая родина номадов и была морем, из которого выливались наводнения, мешавшие великорусскому племени. Как и что делалось в монгольских степях, чем выталкивались из них стремительные потоки хищнических орд на запад, это все равно для нас; но мы видим, что после Тамерлана не выходили из монгольских и туркестанских степей новые орды на запад; да и тамарлановы орды едва-едва коснулись северо-западных окраин степного пространства, а главным образом устремились на юго-запад и юг, на Азию, а не на Европу. Последний напор дикарей Средней Азии на Европу был при Чингизхане, когда и наводнена была степными хищниками не одна великорусская земля, а вся средняя полоса Восточной Европы. После первого натиска, достигавшего Моравии, дикари, по естественному закону, о котором мы говорили, начали отступать назад, покидая потопленные земли: из Западной Европы они отхлынули тотчас же; поляки избавились от них очень скоро; после этого пришла очередь монголам ослабеть в своих набегах на западную Русь, а там стали слабеть они и в набегах на восточную. Это отступление их губельного тяготения происходило само собою, как сбегает волна, нахлынувшая на берег: ей неловко держаться на месте, ею захваченном, лишь от чрезвычайного волнения моря, ее выбросившего. Как избавилась от монголов Польша, точно так же через несколько времени должна была избавиться от них и великорусская земля: естественным упадком силы в номадах на земледельческой местности. Оно действительно так и было: около времен Мамаия кипчакские татары сохраняли только тень своей прежней силы; и упадок этот произошел по внутреннему закону их собственной жизни, а не от борьбы с великорусами, которые до Куликовской битвы, конечно, ничего не сделали во вред татарам.

Нашествие Мамаия было уже предсмертною конвульсиею умирающего зверя; полчища Мамаия могли составить разве один отряд в ордах Батыя. Что они были не бог знает как многочисленны, видим из того, что они все могли сосредоточиться на одном

Куликовом поле. При Батые было не так: орды одновременно шли по многим направлениям, захватывали чрезвычайно длинную линию своим фронтом: а тут протяжение фронта их было уже так невелико, что со всей линии собрались они на один пункт. Они уже не могли тяготеть над великорусскою землею; это видно из того, что Тохтамыш быстро очистил ее, хотя нигде не нашел успешного отпора. Что же такое принадлежит делу централизации в очищении великорусской земли от татар? Ровно ничего не принадлежит. Куликовская битва не имела никаких фактических результатов, да и происходила уже в такое время, когда главная часть дела совершилась сама собою: татары совершенно уже охилели. Или придавать какое-нибудь значение неудачному походу к берегам Угры при Ахмате? Действительно, он имеет ту замечательность, что очень ясно обнаружил положение дел, пошли татары на Москву, подумали, подумали, да и вернулись назад: "нет, говорят, уж не хватает силы у нас". Пошла централизация на татар, подумала, подумала, да и побежала назад: "нет, говорит, я татар победить не могу". Чем же были побеждены татары? Собственным одряхлением и размножением русского населения, фактами, происходившими совершенно независимо от централизации.

Таким образом, оба условия, от которых зависело возникновение национального единства, осуществлялись сами собою.

Но по взгляду ученых, о которых мы говорим, централизация не только была необходима для создания государственного единства, она также была нивелирующею силою, действовавшею в демократическом направлении против аристократии. Это еще прелестнее, потому что сами же эти ученые необыкновенно подробно разъясняют, что собственно централизация и создала поместную систему, то есть иерархию более или менее крупных поземельных владельцев, - иерархию чисто феодальную; что собственно централизация и поставила массу населения в крепостное отношение к феодалам, созданным поместною системою; те же самые ученые объясняют нам, как это феодальное сословие было обращено тою же самою централизациею в аристократию более новой формы, чрез постепенное расширение и упрочение поместных прав и, наконец, чрез признание поместий вотчинами».

В фейсбуке: <https://www.facebook.com/photo.php?fbid=1598765316877026>

ПИСЬМА БЕЗ АДРЕСА. Ч.1.

«Когда люди дойдут до мысли: "ни от кого другого не могу я ждать пользы для своих дел", они непременно и скоро сделают вывод, что им самим надобно взяться за ведение своих дел... Мы думаем: народ невежествен, исполнен грубых предрассудков и слепой ненависти ко всем отказавшимся от его диких привычек. Он не делает никакой разницы между людьми, носящими немецкое платье; с ними со всеми он стал бы поступать одинаково. Он не пощадит и нашей науки, нашей поэзии, наших искусств; он станет уничтожать всю нашу цивилизацию»

Н. Г. Чернышевский, 1862 г.

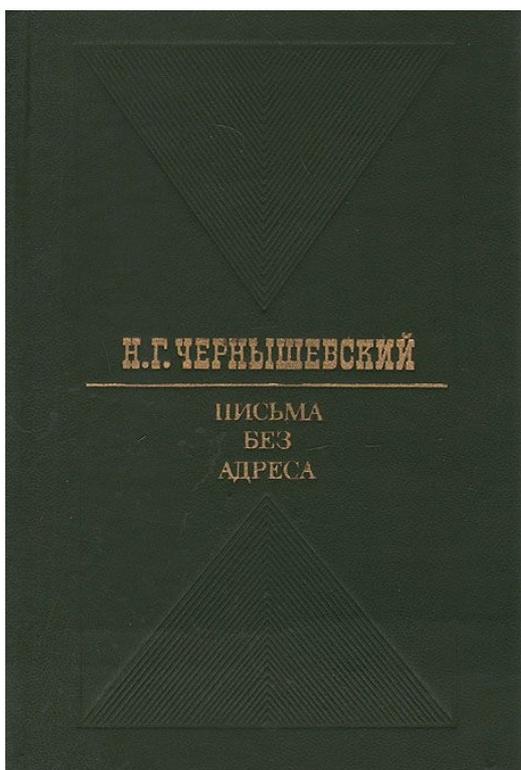
Взгляды Н. Г. Чернышевского на положение народа в России и на революцию наиболее подробно изложены в «Письмах без адреса». Эти письма были подготовлены в 1862 г., и они предназначались к печати в № 2 «Современника». Однако цензорское разрешение на публикацию получено не было. В результате письма были опубликованы лишь в 1874 г. в журнале «Вперед!», издававшемся в Женеве П. Л. Лавровым. Формально письма не имеют адреса, однако по тону понятно, что Чернышевский обращается к Александру П. Чернышевский говорит о революционности сложившейся ситуации, о невежественности народа, об отчужденности интеллигенции от народа, о характере возможной революции и многом другом. Приводим выдержки из первого письма:

«Вы говорите народу: ты должен идти вот так; мы говорим ему: ты должен идти вот так. Но в народе почти все дремлют, а те немногие, которые проснулись, отвечают: давно уж раздаются призывы к народу, чтобы он шел так или иначе, и много раз пробовал он слушать призывов, но пользы от них не было. Звали народ выручать Москву от поляков, - народ пошел, выручил и оставлен был в положении, хуже которого не было прежде и не могло бы быть при поляках. Потом ему сказали: выручай Малороссию; он выручил, но ни ему, ни самой Малороссии не стало от этого лучше. Ему сказали: завоюй себе связь с Европой, - он победил шведов и завоевал себе вместе с балтийскими гаванями только рекрутчину и подтверждение крепостного права. Потом, по новым призывам, он много раз побеждал турок, захватил Литву, разрушил Польшу и опять-таки не получил себе никакой пользы. Двинули его против Наполеона: он завоевал своему государству первенство в Европе, а сам был оставлен все в прежнем положении. Такую же пользу он получал себе и от призывов, которые были после. Зачем же ему увлекаться теперь какими бы то ни было новыми призывами? Он не ждет себе от них другой пользы, как и от прежних.

Виноваты ли в этом недоверии народа вы или мы, нынешние люди? Нынешнее расположение народных мыслей устроилось долгим ходом событий, бывших раньше вас и нас. Постараемся понять это.

Истина одинаково горька для вас и <для> нас. Народ не думает, чтобы из чьих-нибудь забот о нем выходило что-нибудь действительно полезное для него. Мы все, отделяющие себя от народа какими-нибудь именами, - именем ли власти, именем ли того или другого привилегированного сословия, - мы все, предполагающие у себя какие-нибудь особенные интересы различные от предметов народного желания, - интересы ли дипломатического и военного могущества, или интересы распоряжения внутренними делами, или интересы личного нашего богатства, или интересы просвещения, - мы все

смутно чувствуем, какая развязка вытекает из этого расположения народных мыслей. Когда люди дойдут до мысли: "ни от кого другого не могу я ждать пользы для своих дел", они непременно и скоро сделают вывод, что им самим надобно взяться за ведение своих дел. Все лица и общественные слои, отдельные от народа, трепещут этой ожидаемой развязки. Не вы одни, а также и мы желали бы избежать ее. Ведь между нами также распространена мысль, что и наши интересы пострадали бы от нее, даже тот из наших интересов, который мы любим выставлять как единственный предмет наших желаний, потому что он совершенно чист и бескорыстен, - интерес просвещения. Мы думаем: народ невежествен, исполнен грубых предрассудков и слепой ненависти ко всем отказавшимся от его диких привычек. Он не делает никакой разницы между людьми, носящими немецкое платье; с ними со всеми он стал бы поступать одинаково. Он не пощадит и нашей науки, нашей поэзии, наших искусств; он станет уничтожать всю нашу цивилизацию.

Потому мы также против ожидаемой попытки народа сложить с себя всякую опеку и самому приняться за устройство своих дел. Нас так ослепляет страх за себя и свои интересы, что мы не хотим даже рассуждать, какой ход событий был бы полезнее для самого народа, и мы готовы для отвращения ужасающей нас развязки забыть все: и нашу любовь к свободе и нашу любовь к народу.

Под влиянием этого чувства обращаюсь к вам, милостивый государь, с изложением моих мыслей о средствах, которыми можно отвлечь развязку, одинаково опасную для вас и <для> нас.

Делая это, я понимаю, что делаю.
Я изменяю народу.

Изменяю потому, что руководясь личными опасениями за вещь более драгоценную для меня, нежели для народа, - за просвещение, я уже не думаю о том, полезна ли для народа забота о разрешении запутанностей положения русской нации вашими и нашими усилиями, а, напротив, не выиграл ли бы народ чрез независимое от нас занятие национальными делами больше, чем от продолжения наших хлопот о нем. В этом случае, для своей выгоды, я подавляю в себе убеждение, что ничьи посторонние заботы не приносят людям такой пользы, как самостоятельное действие по своим делам. Да, я изменяю своему убеждению и своему народу; это низко. Но мы принуждены были делать уже столько низостей, что одна лишняя ничего для нас не значит.

А я предчувствую, что она будет совершенно лишнею, что останется недостигнутою та жалкая цель, для которой изменяю я народу. Никто не в силах изменить хода событий. Одни хотели бы, но не имеют средств; у других есть средства, но не может быть желания.

Из-за чего же я становлюсь изменником народу, когда сам знаю, что не помогу ни вам, ни себе? Не лучше ли продолжать молчание? Да, было бы лучше; но презренная писательская привычка надеяться на силу слова туманивает меня. Я не в состоянии держаться на точке зрения житейского благоразумия, с которой очень ясно вижу, что

всякие объяснения напрасны; едва я поднимаюсь на нее, меня сбивает с толку обыкновенная наша писательская мысль: "Ах, если бы можно было объяснить дело! оно уладилось бы". Поэтому я и молчал более двух лет только оттого, что не имел возможности бить воздух словами, и как видите, возобновляю этот пустой труд с первой же минуты, как мне показалось, что можно мне возобновить его.

Почему мне так показалось? В какой журнал, в какую газету я ни загляну, везде я нахожу признаки того, что как будто бы почувствовалась надобность в наших объяснениях. Очень вероятно, что признаки эти обманчивы. Но пристрастие добиваться хороших результатов посредством объяснений так сильно в писателях, что я увлекаюсь им.

Это увлечение неизвинительно после стольких опытов. Но я усиливаюсь прикрыть в собственных глазах жалкую забавность его, твердя себе о фактах, которые действительно таковы, что вы, милостивый государь, действительно могли бы желать объяснения. Вот некоторые из них. Бывшие помещицы крестьяне, называемые ныне срочно-обязанными, не принимают уставных грамот; предписанное продолжение обязательного труда оказалось невозможным; предписанные добровольные соглашения между землевладельцами и живущими на их землях срочно-обязанными крестьянами оказались невозможными; будучи поставлены в безысходное положение этою неисполнимостью предположенного решения, помещики ропщут и предъявляют требования, о которых не отваживались говорить не больше как год тому назад; в государстве появилось и усиливается общее безденежье; курс падает, что равнозначительно возвышению ценности звонкой монеты сравнительно с бумажными деньгами, или, что то же, падению ценности бумажного рубля; одних этих фактов внутренней жизни русского народа уже достаточно, и я не имею надобности касаться ни многих других значительных фактов ее, ни других не менее важных явлений, принадлежащих отношениям русского народа к жизни других народов, входящих ныне в состав одного с ним целого».

В фейсбуке: <https://www.facebook.com/photo.php?fbid=1603909769695914>

ПИСЬМА БЕЗ АДРЕСА. Ч.2.

«Крымская война сделала необходимостью освобождение крестьян. Связь этих двух фактов такова: военные неудачи обнаружили для всех слоев общества несостоятельность того порядка вещей, в котором оно жило до войны»

Н. Г. Чернышевский

Продолжаем рассматривать работу Н. Г. Чернышевского «Письма без адреса» (1862). Во втором письме, обращенном Александру II, Чернышевский рассуждает о причинах, побудивших власть более активно заняться крестьянским вопросом. Он полагает, что неудачи в Крымской войне обнаружили для всех слоев общества несостоятельность того порядка вещей, в котором оно жило до войны; однако имелись реакционные силы, стремившиеся лишь внешне изменить прежний строй, не затронув его сущность; противоборство прогрессивных и реакционных сил обусловило последующие события. Обратимся к рассуждениям Чернышевского:

«Необходимость заняться крестьянским вопросом наложена была на Россию ходом последней нашей войны. В народе ходил слух, что император французов требовал уничтожения крепостного права и согласился подписать мир лишь тогда, когда внесена была в договор тайная статья, постановлявшая, что крепостным крестьянам дается воля. Не знаю, мил. гос., известна ли вам эта молва, принимавшаяся за истину всем нашим народом; но если она достигала вас, вы, конечно, еще лучше моего знали совершенную несправедливость столь странного мнения. Напрасно было бы, однако же, приписывать его только невежеству и легковерию простолудинов; от этих качеств произошло только то, что инстинктивное предчувствие неизбежной связи событий вылилось у народа в грубую форму, нелепость которой очевидна не только для вас, мил. гос., но и для каждого, имеющего понятие о международных отношениях. А предчувствие, выразившееся в столь смешном для нас виде, было верно; оно говорило народу, что Крымская война сделала необходимостью освобождение крестьян. Связь этих двух фактов такова: военные неудачи обнаружили для всех слоев общества несостоятельность того порядка вещей, в котором оно жило до войны.»

Я не имею надобности перечислять вам, мил. гос., те силы, которые могуществом своим должны были, по-видимому, обеспечить торжество русского оружия; вам лучше, нежели мне, известна громадность средств, которыми располагала тогда Россия. Многочисленность наших войск была безмерна; храбрость их несомненна. При тогдашнем непоколебимом и, смею сказать, беспечно до слепоты доверии к нашей денежной системе и к нашим кредитным учреждениям и при нашем порядке установления налогов не могло, по-видимому, быть недостатка в денежных средствах. Потому русское общество нимало не превосходило меру возможного, когда ожидало в начале войны, что мы возьмем Константинополь и разрушим Турецкую империю. Когда война получила совершенно иной ход, этого разочарования нельзя было приписать ничему, кроме непригодности механизма, располагавшего нашими силами. Открылась надобность изменить неудовлетворительное устройство. Самую заметною чертою его считалось тогда крепостное право. Конечно, оно было только одним частным приложением принципов, на которых был устроен весь прежний порядок; но внутренней связи этого частного факта с общими принципами большинство нашего общества тогда еще не понимало. Потому общие принципы прежнего порядка были оставлены в покое и

вся реформационная сила общества обратилась против самого осязательного из его внешних применений.

Надобно заметить вам, м. г., что это настроение общественного мнения страдало самую неудачную непоследовательностью. Крепостное право, конечно, заключало в себе возможность многих злоупотреблений, и вам очень хорошо известны случаи жестокости или алчности, или цинического насилия, протекавшие из крепостного права. Но при всей их многочисленности надобно согласиться с словами бывших адвокатов крепостного права, что все эти вопиющие нарушения закона были исключением из общего правила и что огромное большинство помещиков составляли люди вовсе не злые и не преступавшие прав, какие давались им над крестьянами законом или утвердившимся под влиянием закона обычаем. Тяжела была для крепостных крестьян и вредна для государства законная сущность крепостного права. Но она сообразна была всему порядку нашего устройства; потому сам в себе он не мог иметь силы, чтобы отменить ее. А между тем общество предполагало отменить крепостное право силою старого порядка.

Эта ошибка, столь заметная ныне для всех, показывает, что причина, заставившая общество приняться за опыт отмены крепостного права, была недостаточно сильна для возбуждения в обществе совершенно отчетливых понятий об основаниях прежней его жизни. Да и действительно, вы лучше меня знаете, м. г., что Крымская война, при всех своих неудачах и при всей своей обременительности, не нанесла России удара слишком тяжелого. Неприятель едва коснулся наших границ на двух окраинах, далеких от коренных русских обитателей; можно сказать, что чувствительно было его прикосновение даже только к одной окраине, Черноморской, потому что стоянка союзного флота под Петербургом, бомбардирование Свеаборга и мелкие высадки на финляндском берегу не могли считаться серьезными нападениями и доставляли нам больше поводов к насмешкам, нежели к основательным беспокойствам. Но что же такое Крым, Таганрог и Керчь для жителей Великой России? Это - отдаленные колонии, о которых коренной русский никогда много не думал. Притом же, благодаря характеру местности и своему незнанию, отчасти, быть может, и по расчету императора французов, неприятель и в этой окраине не проникал далее нескольких верст от берега. Самые его победы над нами не были окончательными разгромами военных сил, организованных старым порядком. Армии наши отступали, но не бежали; ослабевали, но не уничтожались и все еще сохраняли твердость и могущество, внушавшие уважение неприятелю. Не могло исчезнуть и в нас уважение к старому порядку: оно также только поколебалось, но не пало.

Такова была степень глубины впечатления, обратившего нас к заботам о реформах. Оно было мелко, поверхностно. Англо-французы (как мы тогда называли союзников) прорвали небольшую прореху в нашем платье, и мы думали на первый раз, что надобно только починить ее; но, начав штопать, мы постепенно замечали ветхость материи на всех местах, до которых приходилось нам дотрогиваться; и вот вы видите теперь, милостивый государь, что все общество начинает высказывать потребность одеться с ног до головы в новое: штопать оно не хочет. Говоря проще, наше общество,

занявшись отменением крепостного права, принялось за дело очень серьезно. Принялось оно за него с легкомысленною и беспечною недалководностью, думая, что отделаться от этой задачи можно столь же незначительными переделками прежних внутренних наших трактатов, сколь ничтожны были переделки прежних дипломатических трактатов, оказавшиеся достаточными для заключения Парижского мира. Но внутреннее дело вышло не таково, как внешнее. Над ним поневоле стало учиться наше общество серьезности. Пришлось обществу много думать, и вы видите теперь, м. г., как широко развивается труд пересоздания, которому первоначально поставлялись такие узкие границы...

Каково было положение фактов при начатии крестьянского дела? Существовали четыре главные элемента в этом деле: власть, дотоле имевшая бюрократический характер; просвещенные люди всех сословий, находившие нужным уничтожение крепостного права; помещики, желавшие отсрочить это дело из опасения за свои денежные интересы, и наконец, крепостные крестьяне, тяготившиеся этим правом. В стороне от этих четырех элементов находилась вся остальная половина населения - государственные крестьяне, мещане, купцы, духовенство, то большинство беспоместных чиновников, которое не получало больших выгод от бюрократического порядка. Из всех этих сословий, как и из самих помещиков, некоторые люди, - наиболее просвещенные, - составляли одну партию, которую выше назвали мы "партией просвещенных людей" и которая стала в последние годы называться у нас либеральною партией. Но здесь мы говорим не об этих отдельных лицах, более или менее возвысившихся над своими сословными понятиями, более или менее думавших об общественных делах; мы говорим здесь о той массе всех сословий, кроме крепостного и дворянского, которая знала только свои сословные или личные расчеты. О ней мы говорим, что она стояла в стороне от крепостного вопроса, когда он начинал разыгрываться. Не имея расчета поддерживать крепостное право, она готова была по естественному человеческому чувству симпатизировать его уничтожению; но, по своей неопытности в общественных делах, еще не замечала, что собственными своими интересами она будет принуждена принять участие в нем. Это едва начинает обнаруживаться для нее только теперь...».

В фейсбуке: <https://www.facebook.com/photo.php?fbid=1604989816254576>

ХАРАКТЕР ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ЗНАНИЯ. Ч.1.

«Говорить, что мы имеем лишь знание наших представлений о предметах, а прямого знания самих предметов у нас нет, значит отрицать нашу реальную жизнь, отрицать существование нашего организма»

Н. Г. Чернышевский

Поздние философские взгляды Н. Г. Чернышевского изложены им в статье «Характер человеческого знания» (1885). В этой работе он систематизирует и развивает идеи своей ранней статьи «Антропологический принцип в философии» (1860). Чернышевский считает одним из источников идеализма преувеличение субъективного начала в человеческом познании, и он критикует его; он также осуждает взгляды идеалистов-агностиков, преуменьшающих способности человека к глубокому познанию объективного мира. Важной стороной работы является развитие мыслей об относительности человеческих знаний и о практике, как критерии истины. Обратимся к рассуждениям Чернышевского, в которых он обличает агностицизм:

«Есть руки у человека, у которого обе руки целы? - Есть.

- Так ли? - Так.

По-вашему, так. И по-моему, так.

И продолжаем.

Сколько рук у того человека, у которого обе руки целы? - Две.

- Здравствуйте, господа. - Это вошел ученый, один из знакомых мне ученых. - О чем разговариваете?

- Да вот о том, что у человека, у которого обе руки целы, две руки.

- По-вашему, это так?

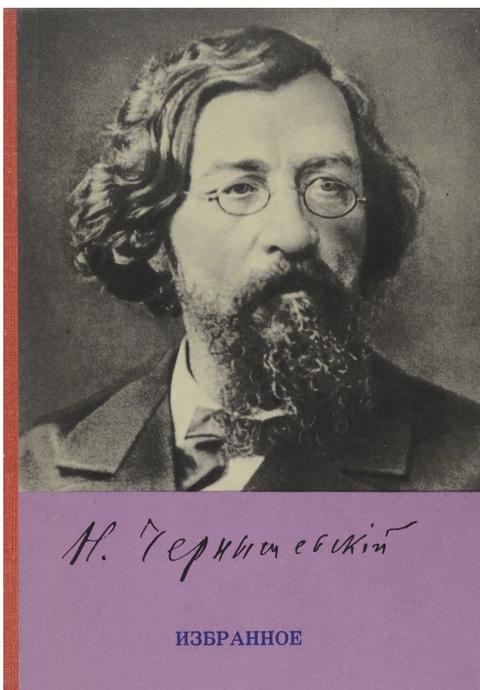
- По-нашему, это так.

- Вы ошибаетесь, господа. Это не так.

- Не так? То как же?

- Вот как: человеку, которому кажется, что обе руки у него целы, кажется, что у него две руки; и если б ему было известно, что у него есть руки, то у него было бы две руки; но есть у него руки или нет, это неизвестно ему и не может быть известно; ни ему, ни кому из людей. Мы знаем только наши представления о предметах, а самих предметов не знаем и не можем знать. Не зная предметов, мы не можем сличать с ними наши представления о них; потому не можем знать, походят ли наши представления о предметах на предметы. Быть может, походят; но, быть может, не походят. Если походят, то они - представления о действительно существующих предметах. Если не походят, то они - представления не о предметах, действительно существующих, а о предметах несуществующих. Которая из этих двух альтернатив соответствует факту, мы не знаем и не можем знать. - Мы имеем представление о руке. Следовательно, существует нечто, возбуждающее в нас представление о руке. Но мы не знаем и не можем знать, сходно ли наше представление о руке с этим нечто, возбуждающим его. Быть может, сходно; в таком случае то, что мы представляем себе, как руку, действительно рука, и у нас действительно есть руки. Но быть может, наше представление о руке не сходно с действительно существующим нечто, к которому мы относим его; в таком случае то, что мы представляем себе, как руку, не существует, и у нас нет рук; вместо рук у нас есть какие-то группы чего-то, какие-то, не похожие на руки, группы чего-то неведомого нам, но рук у нас нет; и достоверно об этих группах чего-то лишь то, что их две. То, что их две, достоверно потому, что для каждого из

двух наших представлений, каждое из которых - особое представление об особой руке, должно быть особое основание: следовательно, существование двух групп чего-то не подлежит сомнению. - Итак, есть у нас руки или нет, вопрос неразрешимый: мы знаем только, что если у нас есть руки, то у нас действительно две руки; а если у нас нет рук, то число групп чего-то, существующих у нас вместо рук, тоже не какое-нибудь иное число, а число два. - Таково учение об относительности человеческого знания. Оно - основная истина науки. Вы теперь видите, господа, что научная истина так же далека от невежественного предубеждения, которого держались вы, предполагая, будто бы нам может быть известно, что у нас есть руки, как и от фантазерства тех ученых, которые утверждают, что у нас нет и не может быть рук. Эти ученые также называют свое схоластическое пустословие учением об относительности человеческого знания. Но они философы, то есть фантазеры, а не натуралисты. Их учение - вздор, противоречащий естествознанию. Можем ли мы знать, что наши представления о предметах не сходны с предметами, когда мы знаем только наши представления о предметах, а самих предметов не знаем, то есть не можем и сличать наших представлений с предметами? - А то, что мы знаем лишь наши представления о предметах, самих же предметов не знаем и не можем знать, - это основная истина науки, то есть естествознание.

Мой знакомый, как видите, натуралист.

Один ли он натуралист такого образа мыслей, как он? - Вероятно. По крайней мере, было б очень странно, если бы нашелся, кроме него, хоть еще один натуралист, который признавал бы неразрешимым вопрос о том, действительно ли есть руки у человека.

Я не знаю, почему другие - если есть другие - такие натуралисты думают об этом вопросе одинаково с моим знакомцем; но мой знакомец думает так лишь потому, что сам не понимает, о чем он думает и что такое он думает. Он любит профилософствовать; но серьезно заниматься философией ему нет времени, и он философствует, как дилетант. Он не подозревает, что если философствовать с его точки зрения, то логика велит принять выводы тех философов, о которых отзывается он так сурово. Из его основной мысли,

что мы знаем только наши представления о предметах, а предметов не знаем, следует, что наши представления о предметах не могут быть сходны с предметами; она ведет к этому потому, что сама она - лишь вывод из отрицания реальности человеческого организма. Пока не принято за истину отрицание существования человеческого организма, логика не допускает и самой постановки вопроса о том, знаем ли мы предметы; только когда признано за истину, что мы - не люди, что мы ошибаемся, воображая себя людьми, является вопрос о том, можем ли знать предметы; и логический ответ будет: не можем.

Моему знакомому неведомо, что эти мысли находятся в логической связи между собою. Только потому и неведомо ему, что он - простяк, одураченный "фантазерами", о которых отзывается он так свысока...

Люди знают очень мало сравнительно с тем, сколько хотелось бы и полезно было бы им знать; в их скудном знании очень много неточности; к нему примешано много недостоверного и, по всей вероятности, к нему еще остается примешано очень много ошибочных мнений. - Отчего это? - Оттого, что восприимчивость наших чувств имеет свои пределы, да и сила нашего ума не безгранична; то есть оттого, что мы, люди, существа ограниченные.

Эту зависимость человеческих знаний от человеческой природы принято у натуралистов называть относительностью человеческого знания.

Но на языке той философии, которую мы будем называть иллюзионизмом, выражение "относительность человеческого знания" имеет совершенно иной смысл. Оно употребляется, как благовидный, не шокирующий профанов термин для замаскирования мысли, что все наши знания о внешних предметах - не в самом деле знания, а иллюзии.

Перепутывая эти два значения термина, иллюзионизм вовлекает неосторожного профана в привычку спутывать их. И издавна убежденный в истине одного из них, он кончает тем, что воображает, будто бы давно ему думалось - не так ясно, как стало думаться теперь, но уж издавна довольно ясно - думалось, что наши представления о внешних предметах – иллюзия».

В фейсбуке: <https://www.facebook.com/photo.php?fbid=1606959626057595>

ХАРАКТЕР ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ЗНАНИЯ. Ч.2.

«Философская истина - истина собственно философская, а не какая-нибудь другая. С житейской точки зрения, она не истина и с научной точки зрения - тоже не истина»

Н. Г. Чернышевский

Продолжаем рассматривать поздние философские взгляды Н. Г. Чернышевского, изложенные в статье «Характер человеческого знания» (1885). Чернышевский критикует то, что он называет «иллюзионизмом» в философии, – стремление свести бытие вещи к представлению о ней. В следующем фрагменте Чернышевский разбирает аргументацию «иллюзионистов» и пытается показать ее несостоятельность (также косвенно критикуется абстрактная и метафизическая философия в целом):

«Говорить, что мы имеем лишь знание наших представлений о предметах, а прямого знания самих предметов у нас нет, значит отрицать нашу реальную жизнь, отрицать существование нашего организма. Так и делает иллюзионизм. Он доказывает, что у нас нет организма, - нет и не может быть.»

Он доказывает это очень простым способом: применением к делу приемов средневековой схоластики. Реальная жизнь отбрасывается; вместо исследования фактов, анализируются произвольно составленные определения абстрактных понятий; эти определения составлены фальшиво; в результате анализа оказывается, разумеется, что они фальшивы; и опровергнуто все, что нужно было опровергнуть. Произвольное истолкование смысла выводов естественных наук доставляет груды цитат, подтверждающих выводы анализа фальшивых определений.

Это - схоластика. Новая форма средневековой схоластики. Также фантастическая сказка. Но сказка, тоже связанная и переполненная ученостью.

Рассказывается она так:

Существо, о котором нам неизвестно ничего, кроме того, что оно имеет представления, составляющие содержание нашей мысленной жизни, мы назовем нашим "я".

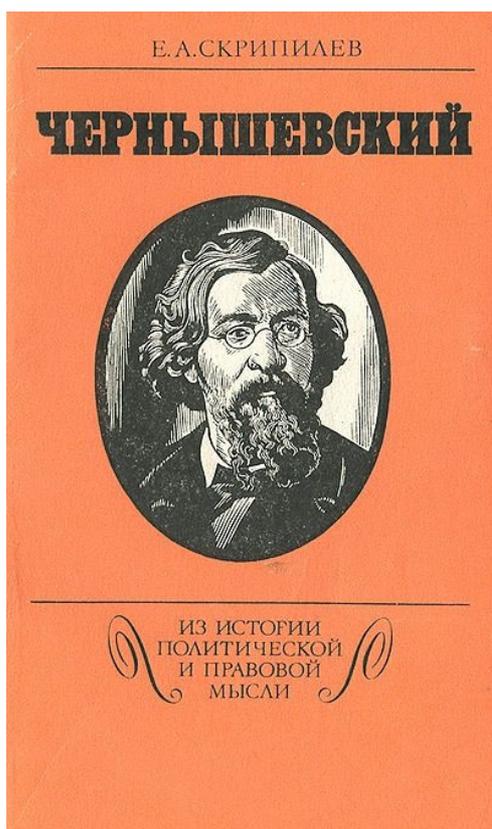
Вы видите: реальная жизнь человека отброшена. Понятие о человеке заменено понятием о существе, относительно которого нам неизвестно, имеет ли оно реальную жизнь.

Вы скажете: но если содержание мысленной жизни этого существа тождественно с содержанием мысленной жизни человека, то об этом существе не может не быть нам известно, что оно имеет и реальную жизнь, потому что это существо - человек.

И да, и нет; оно человек, и оно не человек. Оно человек, потому что его мысленная жизнь тождественна с человеческой мысленной жизнью; но оно не человек, потому что о нем неизвестно, имеет ли оно реальную жизнь. Разумеется, это двусмысленное определение употребляется лишь для того, чтобы не с первого же слова ясно было, к чему будет введена аргументация. Сказать вдруг, без подготовки: "мы не имеем организма" - было бы нерасчетливо; слишком многие отшатнулись бы. Потому на

первый раз надобно ограничиться двусмысленным определением, в котором лишь сквозь туман проглядывает возможность подвергнуть сомнению, действительно ли существует человеческий организм. И вперед все будет так: хитрости, подстановки разных понятий под один термин, всяческие уловки схоластической силлогистики. Но нам довольно теперь пока и одного образца этих диалектических фокусов. Чтоб изложить учение иллюзионизма коротко, расскажем его просто.

Анализируя наши представления о предметах, кажущихся нам существующими вне нашей мысли, мы открываем, что в составе каждого из этих представлений находятся представления о пространстве, о времени, о материи. Анализируя представление о пространстве, мы находим, что понятие о пространстве противоречит самому себе. То же самое показывает нам анализ представлений о времени и о материи: каждое из них противоречит самому себе. Ничего противоречащего самому себе не может существовать на самом деле. Потому не может существовать ничего подобного нашим представлениям о внешних предметах. То, что представляется нам как внешний мир, - галлюцинация нашей мысли; ничего подобного этому призраку не существует вне нашей мысли и не может существовать. Нам кажется, что мы имеем организм; мы ошибаемся, как теперь видим. Наше представление о существовании нашего организма - галлюцинация, ничего подобного которой нет на самом деле и не может быть.

Это, как видите, фантастическая сказка, не больше. Сказка о несообразной с действительностью умственной жизни небывалого существа. Мы хотели рассказать ее как можно покороче, думая, что длинные фантастические сказки не скучны лишь под тем условием, чтобы в них повествовались приключения красавиц и прекрасных юношей, преследуемых злыми волшебницами, покровительствуемых добрыми волшебницами, и тому подобные занимательные вещи. А это - сказка о существе, в котором нет ничего живого, и вся сплетена из абстрактных понятий. Такие сказки скучны, и чем короче пересказывать их, тем лучше. Потому нашли мы достаточным перечислить лишь важнейшие из понятий, анализируемых в ней. Но точно так же, как понятия о пространстве, времени и материи, анализируются в Ней и другие абстрактные понятия - всякие, какие хотите, лишь бы очень широкого объема; например: движение, сила, причина. Приводим те, которые анализируются почти во всех иллюзионистских трактатах; ничто не мешает точно так же анализировать и другие,

какие захотите, от понятия "перемена" до понятия "количество". Анализ по тому же способу даст тот же результат: "это понятие" - какое бы то ни было, лишь бы широкое понятие - "противоречит самому себе"...

Иллюзионизм любит математику. Но он любит и естествознание.

Его анализы основных понятий естествознания, превращающие в мираж все предметы естествознания, основываются на истинах логики и математики; но его выводы из его анализов подтверждаются истинами естествознания. Он очень уважает

истины естествознания--точно так же, как истины логики и математики. Потому-то все естественные науки и подтверждают его выводы. Физика, химия, зоология, физиология, в признательность за его уважение к их истинам, свидетельствуют ему о себе, что они не знают изучаемых ими предметов, знают лишь наши представления о действительности, не могущие быть похожими на действительность, - что они изучают не действительность, а совершенно несообразные с нею галлюцинации нашего мышления.

Но что же такое эта система превращения наших знаний о природе в мираж посредством миражей схоластической силлогистики? Неужели же приверженцы иллюзионизма считают его системой серьезных мыслей? - Есть между ними и такие чудаки. Но огромное большинство сами говорят, что их система не имеет никакого серьезного значения. Не этими словами говорят, само собою разумеется, но очень ясными словами, приблизительно такими:

Философская истина - истина собственно философская, а не какая-нибудь другая. С житейской точки зрения, она не истина и с научной точки зрения - тоже не истина, То есть: им нравится фантазировать. Но они помнят, что они фантазируют. И расстанемся с ними.

Наши знания - человеческие знания. Познавательные силы человека ограничены, как и все его силы. В этом смысле слова характер нашего знания обуславливается характером наших познавательных сил. Будь органы наших чувств более восприимчивы и наш разум более силен, мы знали бы больше, нежели знаем теперь; и, разумеется, некоторые из нынешних наших знаний видоизменились бы, если бы наши знания были обширнее нынешних. Расширение знаний вообще сопровождается видоизменением некоторых из прежнего запаса их. История наук говорит, что очень многие из прежних знаний видоизменились благодаря тому, что теперь мы знаем больше, чем знали прежде».

В фейсбуке: <https://www.facebook.com/photo.php?fbid=1610969885656569>

ЧТО ДЕЛАТЬ. Ч.1.

«Для русской молодёжи того времени она [книга «Что делать?»] была своего рода откровением и превратилась в программу, сделалась своего рода знаменем»

П. А. Кропоткин

Роман Н. Г. Чернышевского «Что делать?» был написан в декабре 1862 – апреле 1863 гг., во время заключения автора в Петропавловской крепости. С января 1863 г. рукопись частями передавалась в следственную комиссию по делу Чернышевского. Комиссия, а вслед за ней и цензоры увидели в романе лишь любовную линию и дали разрешение к печати. Оплошность цензуры вскоре была замечена, а ответственного цензора Бекетова отстранили от должности. Однако роман уже был опубликован в журнале «Современник» (1863, № 3—5). В 1867 г. роман был опубликован отдельной книгой в Женеве (на русском языке) русскими эмигрантами, затем был переведен на польский, сербский, венгерский, французский, английский, немецкий, итальянский, шведский и голландский языки. Попытка поставить роман в контекст общего творчества Чернышевского представлена в монографии И. К. Пантина, Е. Г. Плимака и В. Г. Хороса «Революционная традиция в России: 1783–1883 гг.». Приводим выдержки оттуда:

«Утверждение социализма мыслилось Чернышевским в результате циклического и очень длительного процесса: «разве одним ударом или двумя ударами была разрушена Римская империя?». К тому же успех борьбы определяется в немалой степени появлением политиков, ищущих «помощи своему начинанию в самостоятельной деятельности всей массы народа». И все-таки главный залог успеха — сознательное участие людей труда в революционном процессе, делает вывод мыслитель, пока «только еще авангард народа — среднее сословие, уже действует на исторической арене, да и то почти лишь только начинает действовать, а главная масса еще и не принималась за дело, ее густые колонны еще только приближаются к полю исторической деятельности».

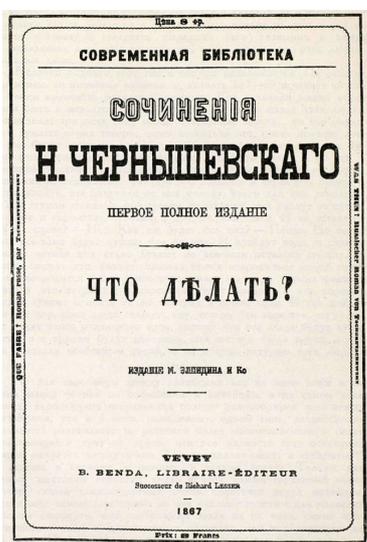
Перед русским мыслителем вставала еще одна труднейшая проблема — поиск национального пути развития в общем движении к социализму. С одной стороны, налицо были застарелость самодержавного механизма, крепостничество (затем его пережитки), делавшие революцию неизбежной. С другой — наступление революции затруднялось темнотой масс, дремавших в «тяжелой летаргии».

Вместе с тем в определенных элементах отсталой социальной структуры России (сохранение такого архаического элемента, как община) Чернышевский пытается найти опору для ускорения исторического движения страны; он ставит (правда, большей частью в чисто отвлеченном, логическом плане) вопрос о переходе российского общества с низшей фазы развития сразу на высшую, минуя промежуточные фазы или предельно сокращая пребывание в них. Наряду с Герценом Чернышевский становится родоначальником русского народничества, русского «крестьянского социализма».

Развивая эту теорию, Чернышевский отнюдь не пересматривал принципиальные установки своей историко-социологической концепции. Община для него — элемент безусловно архаичный, разрушаемый всем ходом развития цивилизации. Но, поскольку существование общины в стране есть факт, с ним надо считаться. И Чернышевский делает вывод, что община способна послужить смягчению мук родов нового общества,

предохранению «массы земледельцев от пролетариата». Это возможно при настоящем размахе «экономического движения в Западной Европе», сущность которого заключается в переходе к крупному машинному производству в форме товарищества.

Мы знаем теперь: конкретная форма некапиталистического пути, предложенная Чернышевским, оказалась утопичной. Если община и могла стать элементом социалистического переустройства, то только при условии устранения грозящих ей «тлетворных влияний», и прежде всего при сочетании демократической революции в России и пролетарской революции на Западе. Так ставили проблему основоположники научного коммунизма. Этого не случилось. Но при всем том нельзя недооценивать саму попытку Чернышевского найти сокращенный путь построения высших форм цивилизации, путь, соответствующий интересам масс. Если воспользоваться современной терминологией, то можно сказать, что Чернышевский по-своему поставил важнейшую проблему «межформационного» взаимодействия. Проблема эта обрела новые аспекты и актуальность в XX в., когда на путь самостоятельного развития вступили колониальные страны с их во многом еще рыхлой общественно-экономической структурой.

Отметим и еще одно существенное обстоятельство, пропагандой общинного социализма Чернышевский усиленно занимался в 50-х годах. Затем его интерес к этой проблематике стал угасать. Ревностный пропагандист теории он все более превращается в скептика, подвергающего сомнению ее установки. В статьях «Апология сумасшедшего», «О причинах падения Древнего Рима» Чернышевский решительно отвергает тезис Герцена об «увядании» западной цивилизации, он еще сильнее, чем раньше подчеркивает сугубый архаизм российских поземельных отношений. Напомним, что никакого следа «общинного», «крестьянского социализма» нельзя обнаружить в таком программном документе Чернышевского, как прокламация «Барским крестьянам от их доброжелателей поклон». Еще более показательным, что

деревенские сюжеты вообще отсутствуют в знаменитом романе Чернышевского «Что делать?». Более того, в нем различимы проблески нового подхода к общественным задачам.

Начав с «невинного» семейного сюжета, писатель искусно вел читателя к важнейшим «политическим вопросам». Он сумел передать ему большую сумму идей: выработки «новых людей», социалистического переустройства общества, создания революционной организации, способной повести народ на борьбу. Бессмертной заслугой писателя было создание образа Рахметова — знающего, бескорыстного, непреклонного, преданного народу профессионального революционера, противопоставленного как беспочвенным мечтателям-революционерам, так и приземленным дельцам от революции. Автор внешне «идиллического» произведения смог показать и величайшие трудности революционной борьбы. Выход из трагического положения — даже после предстоящей России революции, «перемены декораций», герои не раз и не два будут «согнаны со сцены» — связывался, по всей видимости, с их обращением к «заводским делам».

Публикация в «Современнике» знаменитого романа «Что делать?» (март — май 1863 г.) была последним крупным актом в общественной деятельности вождя

разночинцев. Царизм знал силу революционной мысли Чернышевского и постарался убить – еще при жизни – этот великий ум.

За десять лет своей публицистической деятельности, продолженной в тюрьме (именно здесь и был написан роман «Что делать?»), писатель заплатил девятнадцатью годами каторги. Привыкший к неустанной теоретической работе, он изнемогал в сибирском заточении. Он писал, чтобы не сойти с ума, одно произведение за другим и уничтожал написанное (до современников дошел лишь незавершенный роман его «Пролог», до потомков — и некоторые другие работы). В Виллюйске, отрезанный от мира бесконечной тайгой, он отказался от предложения властей просить о помиловании. «Мне кажется,— ответил он, — что я сослан только потому, что моя голова и голова шефа жандармов Шувалова устроена на разный манер, — а об этом разве можно просить помилования?!»

В фейсбуке: <https://www.facebook.com/photo.php?fbid=1611980585555499>

ЧТО ДЕЛАТЬ. Ч.2.

«Я хотел изобразить обыкновенных порядочных людей нового поколения, людей, которых я встречаю целые сотни... На той высоте, на которой они стоят, должны стоять, могут стоять все люди»

Н. Г. Чернышевский о романе «Что делать?»

Представляет интерес судьба романа Н. Г. Чернышевского «Что делать?» (1863). Автор написал его, будучи в заключении в Петропавловской крепости, однако благодаря серии случайностей ему удалось опубликовать его. Об обстоятельствах публикации рассказывает Н. Богословский в своей книге «Николай Гаврилович Чернышевский». Приводим выдержки оттуда:

«Его роман был тенденциозен, публицистичен; таким и должно было быть произведение, написанное революционером и бойцом.»

Находясь под следствием, Чернышевский в одном из показаний хитроумно писал членам следственной комиссии: «Я издавна готовился быть, между прочим, и писателем беллетристическим. Но я имею убеждение, что люди моего характера должны заниматься беллетристикою только уже в немолодых годах, — рано им не получить успеха. Если бы не денежная необходимость, возникшая от прекращения моей публицистической деятельности моим арестованием, я не начал бы печатать романа и в 35-летнем возрасте. Руссо ждал до старости. Годвин также. Роман — вещь, назначенная для массы публики, дело самое серьезное, самое стариковское из литературных занятий. Легкость формы должна выкупаться солидностью мыслей, которые внушаются массе. Итак, я готовил себе материалы для стариковского периода моей жизни». (Чернышевский таким образом старался отвлечь внимание комиссии от опасных высказываний, обнаруженных в его юношеских дневниках, желая выдать их за наброски будущих романов.)

Мы вправе улыбнуться над этим подцензурным признанием, проникнутым тайной иронией. Чернышевский не приступал к беллетристике, конечно, не потому, что «люди его характера должны заниматься беллетристикою уже в немолодых годах». Не эти соображения отдаляли Чернышевского от занятий беллетристикой. Предшественник научного социализма в России на первом плане ставил проповедь социалистических идей, популяризацию и пропаганду материализма, призыв к революционным действиям. И не денежная необходимость заставила узника Алексеевского рavelина взяться за роман. Страстный революционер, в любых условиях ни на минуту не покладавший рук, избрал беллетристику последним орудием, позволявшим ему в замаскированной форме выразить свое политическое мировоззрение.

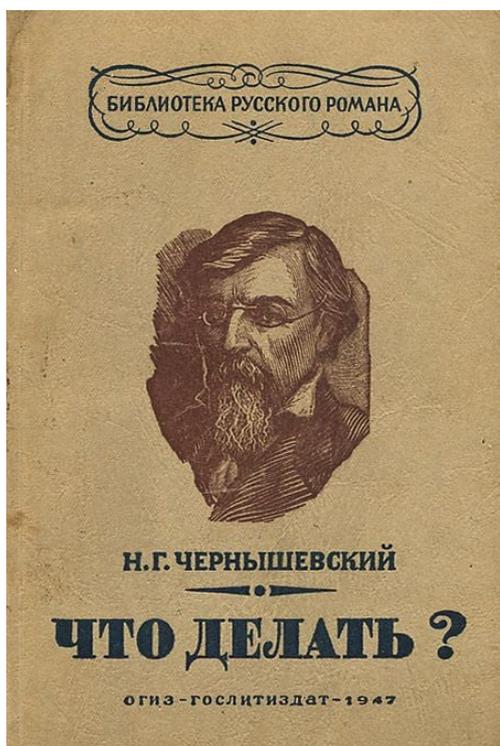
«Что делать?» служит именно этой цели автора. Недаром открытая тенденциозность романа, его просветительская направленность вызвали у современников враждебного лагеря бешеный отпор, у эстетов, ратовавших за «аполитичность» искусства, гримасу деланого презрения, ибо и те и другие увидели в романе контуры стройной системы, направленной на разрушение традиционных твердынь буржуазной морали.

Но то, что обнаружилось при внимательном рассмотрении, ускользнуло в первую минуту от взгляда полицейской комиссии, занятой поисками немедленных и грозных улик

против Чернышевского и потому рассеянно взиравшей на это «стариковское занятие» беллетристикой. Чернышевский, правда, постарался и сам усыпить внимание начальства. Обращаясь за разрешением купить и перевести XVI том «Истории» Шлоссера, он доводил до сведения комиссии, что «начал писать беллетристический рассказ, содержание которого, конечно, совершенно невинно, взято из семейной жизни и не имеет никакого отношения ни к каким политическим вопросам».

Трудно сказать, продиктованы ли эти строки осторожностью или желанием поиздеваться над недогадливостью врагов. Во всяком случае мы знаем, что начало романа, просмотренное членом комиссии Каменским, было получено А. Н. Пыпиным.

Предполагают далее, что цензор «Современника», видя на рукописи печать и шнуры следственной комиссии князя Голицына, не решился наложить вето на роман, уже миновавший благополучно столь высокую и «компетентную» инстанцию.

Счастливая ли случайность в виде этой ведомственной путаницы, вызванной продвижением романа сверху вниз по цензурной лестнице, или действительная недалёковидность цензора «Современника» была причиной разрешения романа к печати — сказать с уверенностью нельзя. Но важно подчеркнуть здесь, что Чернышевский очень остроумно попытался выдать свой политический роман за чисто «семейное чтение» и — кто знает? — может быть, в какой-то мере способствовал этим спасению романа для «Современника».

Ведь схватилось же правительство за голову, когда роман уже закончился печатанием в журнале, и подчеркнуло запоздалым запретом «Что делать?» оплошность следственной комиссии и журнальной цензуры, уволив вдобавок нерадивого цензора Бекетова. Заметим, кстати, что подобные случаи бывали со статьями Чернышевского до ареста. Одна из его крупнейших теоретических работ по изучению классовой борьбы в Западной Европе — «Июльская монархия» (1860 г.), сделанная с расчетом усыпить бдительность цензуры спокойствием тона и «объективностью» изложения, с успехом миновала цензурный лабиринт и лишь после появления в «Современнике» вызвала запоздалые порицания «прозревших» наблюдателей за умами.

Роман, начатый 14 декабря 1862 года, по частям пересылался через следственную комиссию в редакцию журнала «Современник», где и был напечатан в третьей, четвертой и пятой книгах.

Современная Чернышевскому критика упорно сопоставляла «Что делать?» с романом Тургенева «Отцы и дети», указывая на полемическую направленность романа Чернышевского против «Отцов и детей». Прямой отпор тургеньевскому изображению «нигилизма» не был главной целью романа «Что делать?», но многое в нем, несомненно, давало повод к противопоставлению этих произведений. В романе Чернышевский хотел показать настоящее лицо новых людей, с их особой моралью, с их стремлениями и надеждами, со всей сложностью их внутреннего мира; изобразить их схватку с

«допотопными» людьми, с отживающим крепостническим обществом не как борьбу отцов и детей, а как столкновение социальных сил.

Таких героев, как Лопухов, Кирсанов, Вера и тем более Рахметов, русская литература до романа Чернышевского не знала вовсе. Необычны были их мысли, поступки, желания, отношения между собой и отношение к жизни, к окружающим. Они не напоминают ни Рудиных, ни Олениных, ни Базаровых. Они внутренне цельны, они люди не только убеждения, но и дела, не только теории, но и практики, материалистической теории и революционной практики. «Недавно зародился у нас этот тип, — говорит автор. — Прежде были только отдельные личности, предвещавшие его; они были исключениями и, как исключения, чувствовали себя одинокими, бессильными и от этого бездействовали, или унывали, или экзальтировались, романтизировали, фантазировали, то есть не могли иметь главной черты этого типа, не могли иметь хладнокровной практичности, ровной и расчетливой деятельности, деятельной рассудительности... Недавно родился этот тип и быстро расплодится. Он рожден временем, он знамение времени...».

В фейсбуке: <https://www.facebook.com/photo.php?fbid=1613046282115596>

ЧТО ДЕЛАТЬ. Ч.3.

«Кто не изучил человека в самом себе, никогда не достигнет глубокого знания людей»

Н. Г. Чернышевский

Внешне роман Н. Г. Чернышевского «Что делать?» (1863) выглядит как повествование о семейных проблемах и женском вопросе. Его революционный потенциал выявляется лишь при более глубоком анализе. Чернышевский стремился изобразить «новых людей» – поколение 1850-1860-х гг., придерживающееся теории революционной морали. Вопрос «что делать?» отсылал как проблеме изменения социального строя и освобождения народа. Краткий анализ философского и социально-политического содержания романа представлен в работе Н. Богословского «Николай Гаврилович Чернышевский». Приводим выдержки оттуда:

«Сам Чернышевский называет много раз своих героев «хитрецами» за то, что они толкуют о своей полной приверженности «теории эгоизма». Однако за таким наименованием «хитрой теории» кроется совсем иная ее сущность.

Вся «хитрость» новых людей, так страстно приверженных своей «мудреной» теории, заключалась в том, что они в этом случае как бы играли словами: «эгоизм» их — это псевдоним горячей любви к угнетенному народу.

С термином «эгоизм» у каждого человека, естественно, связано представление о себялюбии, об извлечении из всего личных выгод, о равнодушии личности к окружающим. Чернышевский же своей теорией разумного эгоизма стремился показать, что только на путях неразрывного слияния общественных интересов с личными мыслимо подлинное счастье отдельного человека. Это была теория революционной морали «новых людей», осознавших свою глубокую органическую спаянность с коллективом.

Мое благо, говорят герои «Что делать?», — благо всех. Мое счастье — счастье большинства. Моя выгода — выгода общая. Для них это были не книжные фразы, не туманные стремления, не отвлеченные рассуждения о высоких материях, а основное жизненное убеждение. Этим людей, видевших цель и смысл жизни в труде, объединяло стремление сделать всех людей труда свободными, счастливыми и радостными, объединяла ненависть к миру праздной роскоши, к миру эксплуатации, деспотизма и невежества.

Эта теория помогла Чернышевскому дать материалистическое объяснение поведению и поступкам своих героев. Правда, это объяснение еще не чуждо домарковского представления о неизменной человеческой природе, в силу которой интересы отдельной личности совпадают с интересами всего общества, но практически оно давало основы активной, разумной революционной морали.

Содержание романа, взятое из «семейной жизни», на первый взгляд очень несложно. Если судить по сюжетной канве «Что делать?», то можно подумать, что в центре произведения стоит «женский вопрос». Внешне — в заголовках частей, в некоторых особенностях сюжетного построения — главы «Что делать?», особенно начальные, близки к обычному в то время типу занимательного романа. Нарочито эффектна манера вступительной части, тут же, впрочем, «разоблачаемая» самим автором. Приманчивы подзаголовки («Первая любовь и законный брак», «Замужество и

вторая любовь»). Будто и впрямь это чисто семейный роман с авантурным сюжетом, предназначенный для читателей, не весьма требовательных по части серьезности содержания. Но в действительности «женский вопрос» служил только средством выражения более сложных идей. Он дал возможность автору наглядно показать, что степень свободы женщины есть естественное мерило общей свободы. Это было одним из заветнейших и давних убеждений Чернышевского...

Роман Чернышевского должен был ответить на самый острый, самый важный вопрос, волновавший тогда передовую интеллигенцию, — на вопрос что делать для того, чтобы освободить страну от самодержавно-крепостнического деспотизма.

Могучей фигурой «особенного человека», Рахметова, Чернышевский дал ответ на этот вопрос. Он первый в русской литературе создал образ революционера — теоретика и практика, готового к любой схватке, к любым испытаниям в борьбе.

Биография его необычайна. Рахметов—аристократ, но он порвал со своей средой, он работал плотником, перевозчиком, бурлаком, чтобы заслужить «уважение и любовь простых людей». Он употребил все свои средства на революционное дело. Преданный одной идее, одному стремлению, он мог казаться экзальтированным, неправдоподобным. Аскет, ведущий спартанский образ жизни, натура, способная на любые жертвы для торжества своих убеждений, Рахметов возвышается над «обыкновенными людьми нового поколения», подобными Лопухову, Кирсанову, Вере. И Чернышевский делает оговорку, что таких людей, как Рахметов, еще немного: «Велика масса честных и добрых людей, а таких людей мало; но они в ней — теин в чаю, букет в благородном вине; от них ее сила и аромат; это цвет лучших людей, это двигатели двигателей, это соль соли земли».

И еще одну оговорку сделал Чернышевский в главе «Особенный человек»: «Я знаю о Рахметове больше, чем говорю». Понятны причины подобной сдержанности. Рассказывать прямо и открыто о конспиративной работе главы революционного кружка писатель не мог. Поэтому образ Рахметова несколько таинственен и смутен, поведение его порою загадочно, но читатели, конечно, угадывали истинную подоплеку его странных исчезновений, особых знакомств и т. п.

«Чернышевский присутствовал при зарождении у нас нового типа «новых людей». Этот тип выведен им в лице Рахметова, — писал Плеханов. — Наш автор радостно приветствовал появление этого нового типа и не мог отказать себе в удовольствии нарисовать хотя бы неясный его профиль. В то же время он с грустью предвидел, как много мук и страданий придется пережить русскому революционеру, жизнь которого должна быть жизнью суровой борьбы и тяжелого самоотвержения...»

И Плеханов подчеркивает обобщающее значение образа Рахметова, говоря, что «почти в каждом из выдающихся наших социалистов 60-х и 70-х годов была немалая доля рахметовщины».

Большое значение для понимания революционного смысла романа имеет его заключительная сцена — бурно-веселый пикник компании молодежи и двух дружных семейств, сцена, в которой неожиданно появляется «дама в трауре». Эта глава, как и шестая, последняя глава «Что делать?», называемая «Перемена декораций», написаны Чернышевским с большой осторожностью и лаконизмом. Они как будто бы совершенно обособлены и не имеют никакой видимой связи с сюжетом романа.

Из объяснительной записки Чернышевского к Пытину и Некрасову видно, что это начало неосуществленной второй книги «Что делать?», которую Чернышевский намеревался писать вслед за первой».

На фейсбуке: <https://www.facebook.com/photo.php?fbid=1614060048680886>